

ISSN: 036-8455

STUDY GROUP ON EIGHTEENTH-CENTURY RUSSIA

NEWSLETTER

No. 24

DECEMBER 1996

Contributions to the Newsletter should be addressed to:

The Editor: Professor A.G. Cross, Department of Slavonic Studies,
University of Cambridge, Sidgwick Avenue,
Cambridge CB3 9DA

Enquiries about membership of the Group as well as subscriptions should be sent to the
Group's Treasurer:

Dr P. O'Meara, Department of Russian, Trinity College,
Dublin 2, EIRE

Individual subscriptions: £7.50

Institutions: £12.00

PLEASE NOTE: These amounts are to be paid in sterling only (cheque or banker's order).

CONTENTS

	Page
SYNOPSIS of Papers Read at the 37th Meeting of the Study Group	
Antony Lentin, "Some Reflections on <i>Pravda voli monarshei</i> "	3
Е.Б. Мозговая, "Национальная традиция в русской скульптуре XVIII века"	8
Roderick E. McGrew, "Christian von Schloezer, Cameralism and Economics: a Note on an Eighteenth-Century Contribution to a Nineteenth-Century <i>Mentalité</i> "	11
Maarten Fraanje, "Second-hand Translations: The Dutch Author Rhijnvis Feith in French and Russian"	15
NOTES	
Д.З. Фельдман, "К истории еврейского купечества России в конце XVIII века"	18
Е.Б. Мозговая, "Труд А.П. Лосенко 'Изъяснение краткой пропорции человека' и его роль в становлении русской художественной школы второй половины XVIII столетия"	33
Manfred Schrub, "О французских источниках барковианы"	46
Lindsey Hughes, "Did Peter I Abolish the Psalm Sunday Ceremony"	62
REVIEWS	
V.N. Toporov, " <i>Bednaia Liza</i> " <i>Karamzina: Opyt prochteniia</i> (A.G. Cross)	67
EDITOR'S POSTBAG	72

**SYNOPSIS OF PAPERS READ AT THE 37TH MEETING OF THE
STUDY GROUP AT HIGH LEIGH CONFERENCE CENTRE,
HODDESDON, ON 2-4 JANUARY 1996**

**I. ANTONY LENTIN (The Open University, Milton Keynes), "Some
Reflections on *Pravda voli monarshei*"**

Pravda voli monarshei vo opredelenii naslednika derzhavy svoei (*The Right of the Sovereign's Will to Appoint the Successor to his Throne*) was commissioned by Peter the Great in 1722 as an official commentary on his highly controversial statute of that year, wherein he proclaimed his right to override the customary order of succession to the throne. Its declared aim was "to demonstrate to all" that the statute "admits of no suspicion of injustice (*nepravda*)". Implicitly a defence of his treatment of the Tsarevich Aleksei, it sought to refute and discredit 'legitimist' opposition to the statute, and in general to serve as an authoritative vindication of his theory of reforming absolutism and to counter mounting criticism of his policies overall. The self-styled 'booklet' (*knizhitsa*) or 'treatise' (*rassuditel'noe slovo*), which incorporates the 1722 statute itself, is c.20,000 words long. It consists of a foreword, introductory section, and sixteen numbered sections of varying length. Sections 1-9 discuss parental power generally, sections 10-16 — the "power of parents who are monarchs". This is followed by forty-seven supporting 'examples' from history and scripture, and an (untitled) afterword.

The traditional attribution of *Pravda voli monarshei* to Feofan Prokopovich was questioned in 1981 by James Cracraft on the basis of a letter of 1725 by Thomas Consett, in which Afanasii Condoidi, a Greek archimandrite and 'assessor' of the recently established Synod, is reported as claiming "a principal hand in composing" the work, while alleging that Prokopovich's role was "only to peruse and dispose the matter of it". If Condoidi's largely uncorroborated claims are accepted, the question of the nature and extent of Prokopovich's contribution demands closer examination. Prokopovich's own claims to authorship remain convincing (though Cracraft questions the exact eighteenth-century meaning of the verb *sochiniat'*), and are supported by

textual and contextual evidence. Comparison of *Pravda voli monarshei* with contemporary sermons of Prokopovich suggests that he wrote at least the Foreword and Afterword. Organisational format and political ideology also suggest his influence, and the tightness of argumentation and structure indicate at the very least his close editorial supervision. The book also cites rare works known to have been in Prokopovich's library. Cracraft himself agrees that *Pravda voli monarshei* was "probably written by him [Prokopovich] in collaboration with one or more persons".

The book's overall message, drummed home in different ways throughout the work, concerns the unlimited nature of the tsar's prerogatives, the rightness of absolute monarchical rule in Russia and the necessity of unconditional submission to all his measures. The predominant argumentation is religious. Almost every Old and New Testament book is quoted or referred to. *Romans*, 13 is cited several times, and other biblical passages are further expounded through patristic exegesis. The six Old Testament 'examples' are given greater prominence than the forty-one "examples from secular history" which precede them, and are presented as "the best known and most cogent", "sounder than all the previous examples", and such as can "set the seal on this treatise and will leave no room for contradiction".

What is novel in *Pravda voli monarshei* is that divine-right doctrines based on religion are supplemented by numerous arguments and illustrations drawn from the classical and post-renaissance heritage of the west. References to traditions of civic humanism, neo-stoicism and Roman law and *exempla* from ancient and modern history are supported by the appeal to "common sense" and "man's natural reason" and by the rationalist arguments of such natural law theorists as Grotius on the social contract, the "general welfare" and the duties of monarch and subjects. Invoking the testimony of universal history, custom and law, *Pravda voli monarshei* claims that "the whole civilised world is our witness".

The tone throughout is didactic and dogmatic, dismissive of doubt and dissent in the face of "such a wealth of arguments and such a host of witnesses, drawn from natural reason, from the law of nations, from historical examples and also from the infallible word of God". As with most petrine publications deemed to be of high importance, the book was printed in civil and church type. The first edition of 1722 had

a print-run of 1,200, four or five times the norm for such publications. It was clearly intended for the service-gentry and clergy, including (through the German translation published at Berlin in 1724) Peter's German subjects and coadjutors. It was also aimed at western observers generally, sceptical of the prospects for political stability in Russia after Peter's death.

Peter intended the book to convince (and to silence) those of his subjects — undoubtedly the great majority — who abhorred the dispensation of 1722 as not the least revolutionary of his edicts and hoped for a return to 'normality' under a 'legitimate' successor. It should persuade by sheer weight of erudition, (as well as by coercion, through the capital sanctions and threat of excommunication held out in the oath associated with the statute). Few Russians had the religious learning, still less the range of western cultural knowledge necessary to take issue with its claims. The exceptions were such sophisticated thinkers as the Golitsyns and Dolgorukies, 'legitimists', former sympathisers of the Tsarevich Aleksei, and, after the death of Petr Petrovich in 1719, supporters of Petr Alekseevich. As their reading and experience suggest and as events from 1725 to 1730 were to demonstrate, they were familiar with and sympathetic to limited, elective or constitutional monarchy based on contemporary western models; and they personally tasted supreme executive and legislative power as a ruling oligarchy under Catherine I and Peter II. And yet the *verkhovniki* were unlikely to have been won over by the lengthy but superficial comparison of absolute and elective monarchy in section 16 of *Pravda voli monarshei*.. In general the book's arguments drawn from western political philosophy remain rooted in the seventeenth century. They stop well short of eighteenth-century theory, with its more radical view of the social contract as a source of popular rights. Lack of reference to post-1688 England, to post-1720 Sweden or to Regency France was probably a deliberate and significant omission rather than the result of a cultural time-lag between Russia and the west.

'Legitimist' opposition to the 1722 statute, though genuine and all but universal, was to some extent academic under Peter, in the sense that, however revolutionary his implied intention, Peter in the event failed to appoint an heir. The situation under Catherine I was very different. Her own title to the throne was

dubious. So therefore was her right to appoint a successor. Both claims were denied and denounced in anonymous letters. The political importance of *Pravda voli monarshei* under Catherine is indicated by the enormous print-run of over 19,000 ordered in 1726: fifteen times that of the first edition. 'The famous book', as Consett called it, was ordered to be distributed throughout the empire and to be read aloud in all parish churches and monasteries on Sundays and holy days. In 1727, under the 'legitimate' successor, Peter II, the book was called in, thousands of copies were destroyed, and the hated succession law was suppressed, only to be re-invoked by Anna Ivanovna on Peter's untimely death in 1730. In 1787, Catherine II consulted *Pravda voli monarshei* when she contemplated naming Alexander to succeed her. Ten years later, Paul repealed the statute, and *Pravda voli monarshei* was left to the historians — a unique *apologia* of petrine absolutism.

и Монарха вѣсть, и сама вѣдѣла, по законѣмъ
сѣмъ Монархѣмъ, иже самодержавства, дѣлаемъ
указамъ. Довѣмъ же по сѣмъ нашимъ и по нѣждѣ
штатскимъ протопредѣльныхъ нѣвѣждѣ, но не обрѣтѣмъ
и недогониствѣ раздѣлаемыхъ зѣмъ вѣщѣмъ : сѣ же
за нѣждѣмъ чѣмъ потребныхъ къ сѣмъ многимъ
кнѣмъ, и нѣждѣмъ нашимъ .

Благоболі оуко і інімъ докомѣтоватица єлгообѣтниківъ
чигатѣлю , и аще блггрозѣленъ и мѣдръ єиі , прїимі
слово єїє , якъ єиіѢ блѣшигѡ твогѡ мѣломѣдрїа .

Аще же не мно́гѡ иже́демъ и б'ѣдѹща тѣбѣ
зи́машъ , не ѿрѣши егѡ . хо́гѡ
необерше́ннагѡ поуче́нїа .

Fig. 1 "Pray be content with it, therefore, honest reader, and if you are sensible and wise, accept this work as an opportunity to increase your wisdom. And if you know yourself to have little learning or knowledge, do not reject this piece of instruction, imperfect though it is." *Pravda voli Monarshei*, 2nd edition, (Moscow: the Moscow Press, 1726). Conclusion to 'A Foreword to the Honest Reader'. Original dimensions. Tail-piece identical to that in 1st edition, 1722.

* * * * *

II. Е. Б. МОЗГОВАЯ (Санкт-Петербургский институт имени И. Е. Репина), "Национальная традиция в русской скульптуре XVIII века"

Национальная традиция в русской скульптуре XVIII века, определяемая словами Д. С. Лихачева как "...некоторые акценты, а не качества, отсутствующие у других", проявляется и может быть рассмотрена в следующих основных аспектах:

1. Исторический.

На протяжении первой половины XVIII столетия несмотря на ряд мер, предпринятых правительством с целью развития светской скульптуры и запрещения религиозной, этот вид искусства эволюционировал на национальной почве именно в сфере иконостасной резьбы, рождая новые стилистические, иконографические и типологические формы. Светская скульптура создавалась в этот период в основном иностранными художниками. Только с основанием Академии художеств русское искусство обрело собственные кадры профессиональных скульпторов, в чьем творчестве прослеживается национальная традиция.

2. Сюжетно-тематический.

Темы из истории Киевской Руси, рассматриваемой как национальная античность, преобладают в программах воспитанников Академии 1760-1770 годов, создавая единый цикл. Следующий этап отмечен выбором сюжетов из библейской и античной истории, образующих в аспекте ретроспективной аналогии своеобразные пары: 'национальное — античное', 'библейское — русское', что является выражением исторической концепции того времени и прослеживается не только в учебных, но и в творческих произведениях русских скульпторов.

3. Иконографический.

Иконографическими источниками большинства скульптурных композиций служили как западно-европейские гравюры, широко представленные в собрании Академии, так и древнерусские миниатюры, в частности, Радзивилловской летописи. Важным иконографическим источником служила также обширная коллекция слепков с антиков, игравших роль 'лицевых подлинников'.

4. Композиционно-пространственный.

Академические правила построения рельефов, зафиксированные в теоретических трактатах второй половины XVIII столетия и легко прослеживающиеся при анализе сохранившихся памятников, свидетельствуют о строгом каноническом подходе к передаче пространства и принципах размещения фигур в пределах основных планов. Членения по вертикали, по горизонтали и уплощение в глубину подчиняются системе простейших соотношений 1:2, 1:4, 1:8 в учебных работах и 'золотой' пропорции в рельефах, украшающих фасады зданий.

5. Пропорционально-анатомический.

При изображении фигур воспитанники Академии руководствовались 'Кратким изъяснением пропорций человеческого тела' А. П. Лосенко, аналогичным европейским канонам того времени, но отличавшимся от них фиксацией этнических особенностей строения тела.

6. Техничко-технологический.

Национальные традиции в этой сфере проявились в способах обработки дерева, характере левкаса, приемах золочения. Состав бронзы, применявшейся для литья скульптуры также имел ряд особенностей и приближался по своим качествам к сплавам, использовавшимся в колокололитейном деле.

7. Предметно-функциональный.

Рассмотрение условий бытования скульптуры в России XVIII столетия позволяет сделать вывод о своеобразном и не всегда адекватном восприятии и использовании памятников европейского искусства. Примерами могут служить ансамбль Петергофских фонтанов, отождествление памятника Петру I Фальконе с Георгием Победоносцем и т.д.

8. Иерархический.

Принципы средневековой иерархии, идея "восхождения от дольного мира к горнему" возрождаются в русской скульптуре эпохи классицизма на рубеже XVIII и XIX столетий. Достигнув апогея, развитие стиля приходит к формированию системы, имеющей генетические корни в искусстве Древней Руси, и воплотившейся в таких памятниках как собор Александро-Невской Лавры, Адмиралтейство, Казанский собор.

9. Жанрово-стилистический.

Завершение формирования системы жанров, являющееся свидетельством сложения стиля, в русской скульптуре относится к концу XVIII столетия. Однако, и отличие от живописи, гравюры и архитектуры, истоки ее лежат не только в условиях самостоятельного развития и западном влиянии, но оказываются обусловленными средневековыми традициями других видов искусства. Прямая функциональная связь объединяет городской монумент с храмом памятником, портрет — с персональным и мемориальным жанром, исторический род — с легендарно-историческим и т.д.

Иерархия жанров русской скульптуры Нового времени предстает как результат взаимодействия европейской традиции со специфически национальными особенностями понимания формы, проблемы историзма и средневековой системы жанров, характерных для разных видов искусств как, результат проявления тенденции к синтезу — основной эстетической закономерности русского искусства XVIII столетия.

* * * * *

III. RODERICK E. MCGREW (Professor Emeritus, Temple University, USA), "Christian von Schloezer, Cameralism and Economics: a Note on an Eighteenth-Century Contribution to a Nineteenth-Century *Mentalité* "

Christian von Schloezer was a Goettingen-trained German academic, the son of the illustrious A.L. Schloezer, who came to Moscow via Dorpat and the Baltic provinces at the opening of the nineteenth century. He remained in Russia from 1800 to 1826. His most influential work, *Die Anfangsgründe der Staatswirtschaft (The Foundations of Political Economy)* appeared between 1804 and 1806 and was translated into Russian in 1808. It was popular and widely read, and when combined with the well-attended public lectures which he offered, made him a significant interpreter to the Russian audience of contemporary economic thinking. This was, of course, eighteenth-century thinking drawn from le marquis de Quesnay and the Physiocrats, the Scottish school including Sir James Steuart, Dougald Stewart, John Millar, and most famously Adam Smith, together with such French and German writers as J.B. Say, N. F. Canard, Johann Georg Büsch, and August Ferdinand Lüder. Schloezer considered Adam Smith to be the greatest of modern economic thinkers, but his own approach owed as much to Steuart, Büsch, Lüder, and Canard as to the author of *The Wealth of Nations*.

The school to which Schloezer belonged combined cameralist principles of statist intervention in economic development with liberal economic doctrines. His book was intended to be 'popular', with Russia's youth its primary target. It explained what wealth was and how it was created. It also placed Russia economically among contemporary societies while exploring her future hopes. Russia, in this view, and unlike her European contemporaries, England included, was a very young society with her development ahead of her, a land blessed with productive soil, mineral riches, an active, youthful, intelligent, and hard-working population, and a wise prince ruling. Only one other society had comparable advantages and an equally brilliant future: the new North American republic, England's former colony. America held the advantage over Russia in that there was no serfdom there, but this was hardly a major advantage

since in Russia the economic effects of serfdom were ameliorated by the humanity and intelligence of the land-owning class and the industry and application of the peasants. (Such assertions were surprisingly common among Russia's 'liberal' political economists, some of whom should have known better.) Moreover, Schloezer believed that Russian serfdom was gradually and inevitably passing away, a process which an enlightened government would foster in every possible way. Curiously, Schloezer made no reference to American slavery, and it may be that he considered serfdom more damaging economically because it affected people working the land for themselves who were yet unable to dispose freely of the fruits of their work. Slaves, however, worked the land much as horses or oxen did, and hence were property and part of the costs of production.

Schloezer believed that effective political authority was fundamental to social survival and economic growth, and as productive processes grew more complex, the state, whether monarchical or republican, was responsible for creating the circumstances favourable to further economic development. *Politik* (politics) or *Staatsgelehrsamkeit* (political learning, political science) was the discipline which explained how the state went about promoting wealth; economics was the science of maximising wealth, while wealth itself was defined holistically as the sum of society's properties, powers, and talents, together with the means to realise them. Poor or undeveloped cultures tended toward savagery, while only rich countries enjoyed such amenities as open and gracious cities, broad parks, museums and libraries, educational and scientific institutions, a vibrant literature, creative artists, healthy workers, and a growing population. It was this vision which he saw in Russia's future.

Schloezer still believed that the foundation stone for all wealth was agriculture, while industry and trade expanded wealth by exploiting natural surpluses. Capital was the primary multiplier of productivity, but his concept of capital was broadly cultural and included the knowledge, talents, and skills necessary to production as well as land, factories, machines and tools. The return on capital (rent) had to be sufficient to replace what was used up and to indemnify its owner for its use. Money, whose use demarcated civilised from primitive societies, established a standard of valuation for goods and enhanced their circulation. More controversially, Schloezer treated paper

money and bullion as essentially the same. Both had value by convention; neither had 'primary' or 'use' value. He believed that bullion was the more stable since paper money, either through uncontrolled emission, or by being used for unnecessary luxuries, promoted price inflation, which meant that money values would decline. This was conventional wisdom. What was not was his conviction that this danger had to be balanced against the positive need to promote business activity and the circulation of goods, service, and money. In his view some inflation was acceptable in order to maintain employment, wages, and commercial exchange. He also considered the availability of credit necessary to the same end, and a 'reasonable' quality of indebtedness, individual or public, was the sign of an expanding economy.

Schloezer was similarly independent on policies promoting population growth, which, unlike his Russian hosts, he tended to oppose. He anticipated Malthus' argument that population increased more rapidly than the means to feed it and provide it work. He was also certain that only property owners benefited from cheap labour, and even such relatively undeveloped societies as America and Russia would see their lands fill up until large numbers of workers would find themselves without employment. He accepted the importance of populating certain empty lands which would otherwise not be fruitful, but he considered actively encouraging population growth to be, on the whole, a poor policy which could end by impoverishing the entire society. England's mature economy already suffered from overpopulation, and Schloezer was impressed with the harsh fate of workers in the new industries. That he associated what later writers would call 'proletarianisation' with population expansion rather than industrialisation suggests how little he, and writers of this transitional generation, grasped the social implications of the revolution in factory technology already in progress.

Schloezer was a liberal political economist to the degree that he accepted individual effort to accumulate wealth as the basis for development and the progress of civilisation. But he remained an advocate of the state's active role in wealth creation. He recognised that no political system in itself could create wealth, but he insisted that the state had a positive function to fulfil, and he considered the science of political economy to be the basic guide to how the state could best interact with individual

producers to promote the accumulation of wealth and the progress of civilisation. The merger he achieved between *laissez-faire* economics and enlightened interventionism provides a notable example of the *mentalité*, the broad economic synthesis, emergent in Europe which found its way to Russia at the opening of the nineteenth century, and which then manifested itself across the spectrum of Russian political thought throughout the remaining years of the tsarist autocracy.

* * * * *

IV. MAARTEN FRAANJE (Leiden), "Second-hand Translations: The Dutch Author Rhijnvis Feith in French and Russian"

The term 'Second-hand translations' describes the fact that many eighteenth- and early nineteenth-century Russian literary translations from the then not so generally known European languages, including English, were based not on the originals, but on French intermediary versions. The work of the Dutch author Rhijnvis Feith was to reach Russian readers by French mediation. In the process of translation the text's meaning was modified not only by the textual changes made by the French mediator, but also by the change of status from original to translated text, what made operative a factor we can call 'foreignism'.

From the five texts of Feith translated into French and Russian only two were discussed: the short epistolary novel 'Julia' and an imitation of Ossian that bears the title 'Alpin'. Both texts were originally part of a small collection of prose and poetry that appeared in 1783. In the history of Dutch literature this collection, and especially the novel 'Julia', is considered the most important work of Dutch sentimentalism.

In Dutch sentimentalism the religious element was strong. Feith's novel 'Julia' had to provide such popular but not so loftily moral examples of love-affairs as one could find in Rousseau's *La Nouvelle Héloïse* and Goethe's *Werther*. Although many elements in Feith's work were borrowed from these authors, they were adapted according to Feith's own moral views; the borrowings served to stress the novel's polemical tendency.

'Julia' was translated into French in 1795. Its translator was the Dutchman Hendrik Jansen, who had a publishing house in Paris. Jansen, when translating 'Julia', revised the novel to bring it more in accordance with the puristic demands of French literary tradition. A large proportion of important stylistic sentimental features, together with almost all the biblical imagery and some aspects of the novel's ideological content, were deleted. The central passage of the novel, the letter in which Julia advocates a Christian theodicy, was severely abridged, its original sense distorted. In French translation, Feith's 'Julia' became a moderate sentimental love-story without

any dominant religious and polemical content, epigonic in relation to the works it originally polemicized with.

It was on this moderate and secularized French version that the Russian translation of 1803 was based. In his preface the anonymous Russian translator praised the elegant style (*priiatnyi slog*) of the French text and translated faithfully his model. This praise and this fidelity we can interpret as an affirmation of the aesthetical principles expressed in the French text.

The other work of Feith discussed was 'Alpin', an imitation of Ossian's *Songs of Selma*. Feith thoroughly re-worked his model, above all he deleted all heroic contents. Feith's 'Alpin' became a sentimental prose-elegy. The French translation of 'Alpin' appeared in the same edition as 'Julia', translated by Henry Jansen. In French it underwent the changes, characteristic for eighteenth-century French translation practice: the irrational Ossianic imagery was rationalized, unpleasant and inelegant images of death were deleted. The Russian translation of 'Alpin' appeared in 1803, but separate from 'Julia', in the journal *Novosti russkoi literatury*. The text appeared anonymous, without mention of author or the fact that it was a translation.

The reason why 'Julia' and 'Alpin' were published and, perhaps, translated separately, although taken from the same French source, is that these texts were considered to belong to two different literary traditions. In Russia the 'frenchified' translation of Feith's 'Julia' could not be perceived otherwise than as a 'French novel' and was therefore, given the circumstances, controversial. Feith's Ossian-imitation 'Alpin', associated itself with a Northern European tradition that was thought to stand very close to the proper Russian tradition. Ossian and Ossianic literature were not perceived as totally foreign and were therefore not controversial.

From the end of the eighteenth century national traditions started to play a significant role in the reception of translation works. Genre, themes, stylistic or linguistic elements in a text could be characteristic of a specific national culture. So for readers of a translation these elements communicated another, foreign culture. The attitude to this other culture could be an admiring, or a hostile one, and this determined the valuation of individual textual elements or of texts as a whole. Negative receptive conditions for translation of works, classed in a certain foreign literary tradition, could

be intensified by political, military and religious conflicts. This was the case in Russia at the start of the nineteenth century: the Napoleonic wars, the activity of French émigré-Jesuits, converting Russian aristocratic ladies to Catholicism, influenced the attitude of some groups of Russian readers towards those textual elements or texts (translations) associated with French language and literature.

If the work of, especially, minor, epigonic authors was modelled after works from several national traditions that, from a Russian point of view, were controversial (French literature) or not controversial (Ossianic literature), their Russian translations could meet different, and even opposite receptions. This, we can assume, was the case with the Russian translations of Rhijnvis Feith.

* * * * *

NOTES

I. К ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА РОССИИ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

В мировой истории евреев существуют события, наложившие неизгладимый отпечаток на дальнейшее существование этого народа, волею судьбы распыленного по различным странам и континентам. В истории России такое событие произошло в последней трети XVIII в., это — территориальные разделы Речи Посполитой 1772, 1793 и 1795 гг. между Австрией, Пруссией и Россией, в результате которых к последней отошли земли Белоруссии, Украины и Литвы со значительным количеством еврейского населения (около 1 млн.чел.). Екатерина II оценивала евреев как важную торгово-промышленную силу, недаром 'Плакатом о переходе Белоруссии к России' 1772 г. за еврейским населением сохранялись все права и свободы, которыми оно пользовалось при польской власти.¹ Однако именно в этот период, когда евреи, распределенные в зависимости от их капитала между мещанством и купечеством трех гильдий, юридически были признаны равноправными членами сословно-городских обществ, возникла так называемая "черта постоянной еврейской оседлости", положившая резкую грань между евреями и прочим населением, бросившая их в пропасть бесправия, морального унижения и финансового разорения. Существование этой границы стало ярчайшим свидетельством наличия юдофобии во внутренней политике России.

Однако отметим, что до присоединения бывших польских провинций к России жесткая антиеврейская политика правительств Екатерины I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и др., заключавшаяся в недопущении приезда купцов-евреев в Россию (что, тем не менее, выполнялось далеко не всегда в силу экономической невыгодности этой

меры), основывалась скорее на религиозных мотивах; юдофобия в России была проявлением нетерпимости к евреям как к иноверцам. Российская власть старалась оберегать неприкосновенность народного быта, покоившегося на православии, от влияния иудеев. В конце XVIII в. российская юдофобия приобретает новые черты, которые в скором времени становятся преобладающими и которые в конечном итоге сыграют решающую роль в складывании черты еврейской оседлости. Речь идет о мотивах экономического характера.

В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве находится 'Дело о домогательстве Московского купеческого общества к воспрещению евреям, записавшимся в купцы, производить торговлю и о жалобе последних на притеснения',² которое, однако, географически и хронологически гораздо шире, нежели следует из названия, и характеризует позицию русского правительства на положение как еврейского купечества, так и всего народа в целом. Именно это следственное дело привело к официальному оформлению черты еврейской оседлости.

13 февраля 1790 г. на имя главнокомандующего Москвы генерал-аншефа П.Д. Еропкина было подано прошение городского головы Михайлы Губина и группы московских купцов.³ В этом документе просители сообщали, что в Москве появилось "жидов число весьма немалое" и обвиняли нескольких евреев, которые, по их мнению, скрыв свою национальность, под видом прусских (из г. Кенигсберга) и белорусских (из г. Могилева) купцов, записались в оклад московского купечества. В прошении отмечались нарушения в торговых операциях еврейских купцов; их обвиняли в порче золотой и серебряной монеты; кроме того, довольно явственно прозвучала мысль о "вреде" всех евреев для государства. В качестве примера приводился белорусский еврей Нот Хаймов, который, войдя в доверие и взяв у московских купцов в долг товары на сумму около 500 тыс.руб. и затем продав их, скрылся с деньгами за границу (в Польше).⁴ Торговцы-христиане потребовали

разыскать всех торгующих в Москве иудеев и выслать их из города, запретив в будущем здесь торговать.

В архивном деле находится еще один документ подобного рода. Собрание московских купцов 1-й, 2-й и 3-й гильдий из 209 чел. 25 января 1790 г. также приняло решение просить власти о высылке из Москвы купцов-евреев.⁵ Москвичи обращали внимание на то, что дешевизна товаров евреев подрывает их торговлю. Они уполномочивали городского голову обратиться для их защиты в высшие инстанции. Таким образом, предыдущий документ, по которому было заведено следствие, появился после настоящего "приговора".

Однако заслушаем мнение и противоположной стороны, т.е. тех предпринимателей, которых обвинили в нечестности и потребовали выслать из города. Перед нами прошение московского купца I-й гильдии и владельца торгового дома Михайлы Григорьева сына Менделя от 19 февраля 1790 г., направленное П.Д. Еропкину.⁶ М.Г. Мендель подчеркнул оскорбительность высказываний русских купцов в адрес всего еврейского населения, "ибо у каждого народа находятся люди предосудительных поведений, но таковые их поведения не могут бесчестья нанести на целую нацию, а еще менее — на честных людей той нации".⁷ Торговый дом Менделя существовал к этому времени уже более 40 лет. Сам же он был записан в Московское купеческое общество, не скрывая своей национальности, и исправно платил пошлины за ввоз иностранных товаров в Россию. Мендель просил защиты у властей от помех и препятствий в торговле, создаваемых купцами-христианами.

В марте 1790 г. уже на имя нового главнокомандующего Москвы генерал-аншефа кн. А.А. Прозоровского поступило еще одно прошение от записанных в московское купечество купцов I-й гильдии Еселя Гирша Янкелевича, Гирша Израилевича, а также от находящихся в Москве купцов Белорусского купеческого общества Израиля Гиршевича, Израиля Шевтелевича, Хаима Файбешевица и Лейба Масеевича.⁸ Еврейские купцы категорически отвергли обвинения купцов-христиан

и городского головы в якобы незаконно осуществляемой ими торговле: зачислении в купечество без предъявления паспорта, неуплате пошлин, порче золотой и серебряной монеты и вывозе ее за границу (в Польшу и Пруссию), продаже иностранных товаров (а еврейские купцы привозили товары из Италии, Франции, Германии, Голландии, Англии и др.) по намеренно низким ценам с целью подрыва торговли, мошенничестве и т.д.

Обе стороны — христиане, и евреи — ссылались на различные законодательные акты, согласно которым еврейские предприниматели, с одной стороны, могли, а с другой — не имели права осуществлять торговые операции в Великороссии, в том числе в столицах. Рассмотрим и мы некоторые из них, чтобы лучше понять ход разрешения данного следственного дела. Предварительно заметим, что привлечение указов, касающихся режима еврейской торговли в различных регионах империи (Белоруссии, Риге, Смоленске), свидетельствует о том, что рассматриваемое следственное дело, по сути, переросло в дело о положении и правах еврейского купечества России в целом.

Наиболее ранний законодательный источник, привлеченный по делу, — именной указ Екатерины II от 9 января 1766 г., который императрица направила рижскому генерал-губернатору генерал-аншефу гр. Ю.Ю. Броуну.⁹ Ему предшествовало обращение к Екатерине II в 1765 г. фактора новороссийских купцов-евреев Бенъямина Бера с жалобой на Рижский магистрат о притеснениях еврейских купцов, которые вели к сдерживанию торговли в Риге (ограничение шестью неделями срока пребывания евреев в городе, необходимость получения у бургомистра специального "вида на жительство", разрешение жить в городе только в "жидовском" постоялом дворе — герберге и др.). Императорское решение узаконило действия рижской администрации, почти во всем ее оправдав. 7 января 1780 г. был опубликован именной указ Екатерины II белорусскому генерал-губернатору гр.З.Г. Чернышеву

о разрешении евреям Могилевской и Полоцкой губ. записываться в купечество.¹⁰ Упоминание в нем конкретных губерний в дальнейшем послужило поводом к истолкованию права торговли евреев в ограничительном смысле. В 1782 г. сенатским указом было разрешено купцам переходить из города в город, "смотря по удобствам их коммерции" и "для приращения казенных интересов".¹¹ Географические рамки действия данного указа не оговаривались, поэтому белорусские евреи стали записываться в оклад сначала смоленского, а позднее и московского купечества. Именной указ от 2 января 1783 г. разрешил всем купцам и мещанам иметь лавки в гостиных дворах и домах и осуществлять в них торговлю. При этом ясно говорилось, что он распространяется "на все города Всероссийской империи" и касается купцов и мещан без различия "народа и закона" (т.е. национальности и вероисповедания).¹² И в именном указе от 26 февраля 1785 г. отмечалось, что если " ... еврейского закона люди вошли уже на основании указов Ее Величества в состояние равное с другими: то и надлежит при всяком случае наблюдать правило ..., что всяк по званию и состоянию своему долженствует пользоваться выгодами и правами без различия закона и народа".¹³

В 1785 г. доверенные лица от евреев Могилевской и Полоцкой губ. Цалка Файбишович и Абрам Еселевич подали прошение в Сенат о продолжении свободного "винокурения, пибо- и медоварения" в городах. Им было в этом отказано. Кстати, годом раньше депутация от кагалов посетила Санкт-Петербург с жалобой на действия местной администрации, и результат был тот же.¹⁴ 21 января 1786 г. вышел указ Сената 'Об ограждении прав евреев в России, касательно их подсудности, торговли и промышленности';¹⁵ данное решение отвергло все просьбы евреев об осуществлении свободного винокурения, пиво- и медоварения в городах и местечках, а также о записи их в оклад Рижского форштата, поскольку "о свободной их записке в купечество и мещанство по другим городам, кроме белорусских губерний, особого

высочайшего повеления нет ..."¹⁶ Особое же значение данного указа заключалось в том, что евреи наконец-то были подчинены общим законам Российской империи, ведь с присоединением западных территорий к России, хотя евреи де-юре стали русскими подданными, на них не распространили фактически действия общих законов и ссылались в отношении к ним на прежние польские законоположения, согласно которым права иудеев по сравнению с христианами были урезанными.¹⁷ Интересно, что в феврале 1790 г. белорусские купцы вновь дают витебскому купцу 2-й гильдии Цалке Файбишовичу, упомянутому в связи с указом 1786 г., доверенность на представление их интересов в столице.¹⁸ В рассматриваемом архивном деле содержится и само обращение Ц. Файбишовича к Екатерине II, в котором он призвал императрицу защитить торговцев-евреев от притеснений и разрешить им производить торговлю в Москве. При этом он ссылаясь на 'Городовое положение', входившее в 'Жалованную грамоту на права и выгоды городам Российской империи' 1785 г.¹⁹ в качестве ее составной части. Этот законодательный акт свел воедино привилегии, в разное время предоставленные купечеству, завершив процесс их оформления, и вместе с тем расширил его права как одного из важнейших элементов торгово-промышленного класса вне зависимости от конфессии и национальности.

Спустя несколько лет, 24 декабря 1789 г., белорусским купцам-евреям с семьями было запрещено записываться также и в смоленское купечество. Это решение Сената, направленное Смоленскому наместническому правлению, было инициировано обращением смоленского купца-христианина М. Сафьянникова о запрете евреям записываться в оклад местного купечества. Данному указу предшествовало также прошение жителя мест. Шклов Самоила Шишмановича, могилевского купца 3-й гильдии Позеля Дожевича и копысского купца 3-й гильдии Гершина Берловича.²⁰ Отказ

мотивировался уже известной формулой указа 1786 г. об отсутствии на этот счет "высочайшего повеления".

Как увидим ниже, при решении дела о московских купцах-евреях использовались только выгодны властям законоположения. В конце XVIII в. в российском законодательстве появились юридические акты о евреях, взаимно исключаящие друг друга и при этом не отмененные и сохраняющие свою законодательную силу. Вообще, практика применения законодательства в отношении еврейского населения России, как показывают проанализированные правовые акты, являлась исключением в мировом опыте: в отечественном законодательстве установился обычай истолковывать права евреев по принципу — "каждому еврею не воспрещено только то, что законами ему буквально дозволено". Вопреки общепринятым юридическим принципам русское законодательство о евреях указывало не только на запрещенное, но и на разрешенное евреям, считая их априорно дурными, преступными.²¹ Таким образом, с точки зрения законодателей, евреи в России представляли совершенно исключительный класс людей, который по своему гражданскому положению не мог быть причислен к подданным государства в полном значении этого слова, т.е. являлись своего рода "полугражданами".

Возвращаясь к дальнейшему ходу рассмотрения дела, начатого по инициативе Московского купеческого общества против записанных в московские купцы евреев, остановимся на весьма важном и интересном документе, который содержится в рассматриваемом архивном деле. В связи с просьбой белорусских купцов-евреев о записи их в смоленское купечество (о которой говорилось выше) президент Коммерц-коллегии действительный тайный советник гр. А.Р. Воронцов составил свое 'мнение' под названием 'Примечание на просьбу белорусских жидов', которое в сжатой форме содержит законодательные акты по еврейскому вопросу и является, по сути, в силу занимаемой им высокой должности, официальной точкой зрения русского правительства по одному из

сложных и больных вопросов в дореволюционной России.²² Для решения проблемы автор предлагает рассмотреть два вопроса: разрешают ли действующие в России законы производить торговлю евреям и полезно ли будет для государства, если евреям будет разрешено записываться в купечество во внутренних российских городах и портах? Уже сама постановка этих вопросов является антигуманной с точки зрения цивилизованного общества, поскольку выделяет евреев — граждан Российской империи, хотя бы юридически равноправных, — от прочего населения. Отвечая на первый пункт, А.Р. Воронцов пишет, что существующее законодательство не только не позволяет евреям записываться в купечество, но даже проживать в Российской империи. В доказательство приводится не отмененный манифест Екатерины II о разрешении иностранцам селиться в России²³ ("во оном точно изображено — кроме жидов, чем самым о непринимании их в Россию древнее подтверждено запрещение") и именной указ 1766 г. рижской администрации об отказе евреям проживать в Риге. Указ же 1783 г. об обложении купцов и мещан податями по состоянию, в которое они записаны "без различия закона и народа", касается только белорусских губерний, пишет Воронцов, поскольку в ряде городов этого края большую часть жителей составляют "жиды", что и побудило законодателей сравнить их в правах с прочими российскими подданными.²⁴ Исходя из вышесказанного, делается вывод, что для проживания евреев в России нет другого места, кроме Белоруссии, а также присоединенного к Рижской губ. от Курляндии местечка Шлока, что оговаривается особым указом.²⁵ При этом автор замечает, что можно разрешить евреям на таком же основании, как и в Белоруссии, жить и записываться в купечество в Екатеринославской губ. и Таврической обл., поскольку Новороссийский край еще мало заселен.²⁶ Что касается второй стороны вопроса, то граф заметил, что в отличие от "португальских жидов", проживающих в Лиссабоне, Амстердаме, Лондоне и Гамбурге, успешно торгующих здесь и не отличающихся от

христиан ничем, кроме веры, "польские, прусские и немецкие жидаы" осуществляют свою торговлю как цыгане — "с ложью и обманом".²⁷ Таким образом, Воронцов противопоставляет евреев Белоруссии (ранее проживавших в Польше и Кенигсберге) и стран Западной Европы, упуская при этом главное — условия их существования в той или иной социально-экономической системе. Голословные обвинения российских евреев завершаются выводом о том, что "не предвидится ни малой пользы, а напротив того, большой вред, чтобы сим евреям позволить записываться в Москве, также и в портах наших в купечество".²⁸

Результат следствия был фактически предрешен, о чем свидетельствуют перечисленные материалы, привлеченные по данному делу. 7 октября 1790 г. данное следственное дело было рассмотрено на 'Совете государыни' — совещании Екатерины II с высшими чиновниками для решения особо важных вопросов государственной политики. По делу были предъявлены 'Примечание ...' гр. А.Р. Воронцова и 'экстракт' законодательства по этому вопросу, составленный ведомством генерал-рекетмейстера, которые сыграли решающую роль. В выписке из протокола Совета отмечалось, "что по существующим здесь законам, ... не имеют еврей никакого права записываться в купечество во внутренние российские города и порты; да что и от допущения их к тому не усматривается никакой пользы; что могут они, однакож, на основании изданных законов пользоваться правом гражданства и мещанства в Белоруссии, и что сие право можно бы еще с пользою распространить и на наместничества Екатеринославское и Таврическое".²⁹ Еврейские купцы были вынуждены покинуть Москву.

Данное следственное дело явилось как бы последним, решающим этапом на пути к установлению и официальному оформлению черты постоянной еврейской оседлости (хотя это выражение не было тогда еще известно), которая стала основой законодательства о евреях в России.³⁰

Русские купцы, не без основания видевшие в евреях возможных многочисленных и сильных конкурентов на торговом рынке страны, таким образом избавились от них. Именно в стремлении русского купечества к монополии в торговой деятельности на большей части территории империи видится одна из главных причин возбуждения данного дела, поскольку москвичи старались устранить всех конкурентов, кто бы они ни были. Несмотря на преобладавший ранее в отношении к евреям религиозный фактор, все же корни еврейского вопроса в России лежали в сфере экономики, а сами евреи рассматривались правительством лишь в смысле полезности (бесполезности) для государства.³¹

Рассматриваемый источник интересен еще с одной стороны: в нем содержатся сведения о количестве евреев, и евреев-купцов в частности, в Москве и Санкт-Петербурге в 1790 г. В процессе решения дела П.Д. Еропкин послал в Московское губернское правление предложение с требованием выяснить, сколько евреев проживает в городе и сколько записалось в московское купечество.³² В посланном (уже на имя А.А. Прозоровского) в марте 1790 г. рапорте московского губернатора генерал-майора П.В. Лопухина указаны следующие сведения (из Управы благочиния): 49 чел. мужчин и 8 чел. женщин, а также 12 малолетних детей.³³ По данным Городового магистрата, в Московском купеческом обществе было записано три еврейских купца I-й гильдии: Есель Янкелевич, из купеческих детей г. Могилева (записан в московские купцы в 1788 г.); Михайла Гирш Мендель, из купцов г. Кенигсберга (записан в 1788 г.); Гирш Израилев, из могилевских купцов I-й гильдии (записан в 1789 г.).³⁴ Санкт-Петербургский городской магистрат по требованию генерал-рекетмейстера также представил в апреле 1790 г. сведения о еврейских купцах в столице. В местное купечество были записаны крещеные евреи: Кирила Иванов сын Яновской из Могилевской губ. (записан в 1786 г.) и Александр Александров сын Янкейевич (записан в 1788 г.).³⁵ Таким образом, количество еврейских купцов в столичных

городах в кон. XVIII в., записанных в местные купеческие общества, было крайне ограничено: трое в Москве и двое в Санкт-Петербурге (причем крещеные). Но даже такое количество не устраивало купцов-христиан.

Любопытно, что от запретительных мер московских властей пострадали не только отечественные еврейские купцы, но и евреи-иностранцы, которых, видимо, из общей массы выделяла администрация. В апреле 1792 г. австрийский посол в России гр. Л. Кобенцль направил гр. А.Р. Воронцову записку, в которой изложил содержание прошения к нему купца-еврея из Галиции Бераха Кальша.³⁶ Суть этого прошения сводится к тому, что торговец в течение многих лет осуществлял в Москве оптовую торговлю, а в этом году привез большую партию венгерских вин с уплатой налогов, однако правительство запретило ему въезд в Москву. Б. Кальш утверждал, что разрыв его отношений с русскими купцами нанесет серьезный ущерб коммерции и их взаимным обязательствам; сам же он как австрийский подданный действовал всегда в рамках торгового договора, заключенного между двумя странами. Исход этого эпизода неизвестен (скорее всего, результат для купца был отрицательным), однако красноречив сам факт преследования в Москве иностранного купца только на том основании что он по национальности еврей.

И только при Николае I евреям-купцам 1-й и 2-й гильдий разрешили приезжать на ограниченный срок в Москву и Ригу для закупки товаров.³⁷

После окончания рассмотренного дела, 23 декабря 1791 г. был издан именной указ Сенату о том, что право "гражданства и мещанства", предоставленное евреям в Белоруссии, распространяется также на Екатеринославское наместничество и Таврическую область³⁸ (позднее — Екатеринославская, Херсонская и Таврическая губ.), чем и было положено официальное оформление черты оседлости евреев, т. е. установлено правило, запрещающее евреям водворяться за пределами объявленной территории и записываться вне ее в городские сословия.

Указанное положение имело, главным образом, экономическую подоплеку: торговая деятельность евреев во внутренних городах излишня, т.к. там имеется местное купечество; переселение же евреев в малонаселенный край сулит государству выгоду. В результате этого образовалась Россия с евреями и Россия без евреев. Оформление черты оседлости было положено указом 1791 г. не преднамеренно. Данное положение предоставило евреям, состоявшим, в основном, в мещанстве, право свободного передвижения в белорусских губерниях (вообще мещане по закону не могли переходить из одной губернии в другую), поэтому оно не только не вносило какого-либо ограничения в права евреев, но даже наоборот, подтвердило их привилегированное в данном случае положение (правда при этом отменив право записи евреев в московское и смоленское купечество).³⁹ Однако, с этого же момента льготное условие превращается в ограничение: евреи могут передвигаться в указанных губерниях, но они пользуются правом жительства только в них. Тем не менее, данное положение было шагом назад по сравнению с законами 1785-1786 гг., провозгласившими принцип равноправия евреев по званию и состоянию.

Д.З. Фельдман (РГАДА, Москва)

Примечания

¹ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА), ф. 12, оп. 1, д. 149, л. 7об, опубли.: *Полное собрание законов Российской империи*, изд. I, (СПБ., 1830 (далее — ПСЗ-1), т. XIX. № 13850, с. 555. См.: Голицын Н.Н., *История русского законодательства о евреях* (СПБ., 1886), с. 107.

² РГАДА, ф. 19, оп. 1, д. 335, л. 1-62. Об этом деле вкратце упомянуто в кн.: Шугуров М.Ф., 'История евреев в России', *Русский архив* (1894), кн. 1, вып. 2, с. 163-168, 172 (перипетии дела трактуются с позиции антисемитизма, приводятся материалы исключительно обвиняющей

стороны — московских купцов); Гессен Ю., *История еврейского народа в России*, т. I (Л. 1925), с. 77-78.

3 РГАДА, ф. 19, оп. 1, д. 335, л. 2-4об. Данный документ, как и архивное дело в целом, находится в составе коллекции (разряда) "Финансы" быв. Государственного архива Российской империи. Еще одна копия прошения М.П. Губина и московских купцов имеется в личном фонде Воронцовых (РГАДА, ф. 1261, оп. 1, д. 728, л. 1-4); это объясняется тем, что президент Коммерц-коллегии гр. А.Р. Воронцов участвовал в решении данного следственного дела.

4 РГАДА, ф. 19, оп. 1, д. 335, л. 3об. Здесь имеется в виду могилевский купец, "польского королевского двора надворный советник" Нота Хаймович Ноткин (Натан Шкловер по родному г. Шклову). См. о нем: *Еврейская энциклопедия*, т. XI (СПБ., 6/г), ст. 801-802.

5 Missing

6 РГАДА, ф. 19, оп. 1, д. 335, л. 7-8об.

7 Там же, л. 7.

8 Там же, л. 9-12об.

9 РГАДА, ф. 19, оп. 1, д. 335, л. 45.

10 ПСЗ-1, т. XX, № 14962.

11 Там же, т. XXI, № 15577.

12 Там же, № 15625.

13 Там же, т. XXII, с. 596.

14 См.: Гессен Ю., *Указ.соч.*, т. I, с. 71.

15 ПСЗ-1, т. XXII, № 16391. В ПСЗ опубликована заключительная часть указа и неверно дается дата выхода указа — 7 мая. Полностью опубл. в кн.: Гессен Ю., *Евреи в России. Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев* (СПБ., 1906), с. 456-461.

16 ПСЗ-1, т. XXII, № 16391, с. 599.

17 См.: Моргулис М.Г., *Вопросы еврейской жизни. Собрание статей*, (СПБ., 1889), с. 358-359, 417.

18 РГАДА, ф. 19, оп. 1, д. 335, л. 37-37об.

19 ПСЗ-1, т. XXII, № 16187.

20 РГАДА, ф. 19, оп. 1, д. 335, л. 31.

21 См.: Оршанский И.Г., *Русское законодательство о евреях. Очерки и исследования* (СПБ., 1877), с. 3-6; Демидов Сан-Донато, *Еврейский вопрос в России* (СПБ., 1883), с. 27; Градовский Н.Д., *Отношения к евреям в древний и современной Руси*, ч. I (СПБ., 1891), с. 52; Песковский М.Л., *Роковое недоразумение. Еврейский вопрос, его мировая история и естественный путь к разрешению* (СПБ., 1891), с. 208; Толстой И.И., 'Антисемитизм в России', в кн. Толстой И.И., Гессен Ю., *Факты и мысли, Еврейский вопрос в России* (СПБ., 1907), с. 148; Pipes R. 'Catherine II and the Jews. The Origins of the Pale of Settlement', *Soviet Jewish Affairs* (1975), № 5, 14-15.

22 РГАДА, ф. 19, оп. 1, д. 335, л. 55-61. См. публикацию фельдмана Д.З., 'Следует ли евреям позволить?...', *Исторический архив* (1993), № 6, с. 197-200.

23 ПСЗ-1, т. XVI, № 11720. См.: Голицын Н.Н., *Указ.соч.*, с. 311.

24 РГАДА, ф. 19, оп. 1, д. 335, л. 56об.

25 Там же, л. 57. Здесь имеется в виду именной указ Екатерины II рижскому и ревельскому генерал-губернатору гр. Ю.Ю. Броуну от 4 февраля 1785 г. о разрешении евреям записываться в купечество посада Шлока (ПСЗ-1, т. XXII, № 16146), изданный в ответ на прошение митавских купцов-евреев к гр. А.Р. Воронцову, посланному императрицей для ревизии Остзейского края.

26 РГАДА, ф. 19, оп. 1, д. 335, л. 57-57об. Переселение евреев из западных губерний России в Северное Причерноморье осуществлялось с начала XIX в. не только путем записи в местное купечество, но и переходом евреев-мещан и мелких торговцев в земледельцы и созданием еврейских земледельческих колоний.

27 Там же, л. 57об.-58об.

28 Там же, л. 59об.

29 РГАДА, ф. 19, оп. 1, д. 335, л. 62.

30 Подробнее об этой проблеме, см.: Бикерман И. *Материалы к законопроекту об отмене черты еврейской оседлости* (СПБ., 1911); Гессен Ю., *Закон и жизнь. Как создавались ограничительные законы о жительстве евреев в России* (СПБ., 1911), с. 24-26; Келберин И.П., *Черта оседлости* (СПБ., 1914), с. 15; Pipes, 'Catherine II and the Jews', *Soviet Jewish Affairs* (1975). № 5, 3-20.

31 См.: Пасманик Д.С., *Судьбы еврейского народа. Проблемы еврейской общественности* (М., 1917), с. 15-16, 237.

32 РГАДА, ф. 19, оп. 1, д. 335, л. 5.

33 Там же, л. 13об.

34 Там же.

35 Там же, л. 54.

36 РГАДА, ф. 1261, оп. 1, д. 748, л. 1-1об. См.: Шугуров М.Ф., *Указ.соч., Русский архив* (1894), кн. 1, вып. 2, с. 173.

37 См.: Градовский Н.Д., *Указ.соч.*, ч. 1, с. 31.

38 ПСЗ-1, т. XXIII, № 17006, Некоторыми историками в качестве времени образования черты оседлости выдвигается 1772 г. — год массового появления евреев на русской земле (См.: Greenberg L., *The Jews in Russia. The Struggle for Emancipation*, I (New Haven, 1944), 9.

39 См.: Гессен Ю., 'О жизни евреев в России', в кн. Толстой И.И., Гессен Ю., *Факты и мысли*, с. 3-4.

* * * * *

II ТРУД А.П. ЛОСЕНКО, 'ИЗЪЯСНЕНИЕ КРАТКОЙ ПРОПОРЦИИ ЧЕЛОВЕКА' И ЕГО РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII СТОЛЕТИЯ

7 мая 1772 года Совет Академии художеств, рассмотрев 'Изъяснение с рисунками от г. профессора Лосенкова о сокращенной пропорции человека, основанной на достоверном исследовании разных пропорций древних статуй, сочиненной в пользу юношества, упражняющегося в рисовании', постановил: "... приказать оныя рисунки выгравировать ученику Скородумову под смотрением его ж г-на профессора Лосенкова, а изъяснение вырезать на меди словорезцу Панину в том же формате по-французски".¹

А.Л. Каганович, введший в научный оборот это, считавшееся утраченным сочинение, определил его как "... свод закономерностей, которые волновали умы многих мастеров и говорили о солидарности творческих поисков и в конечном счете о стремлении к реалистической достоверности изображения".² Труд Лосенко несомненно заслуживает самого пристального внимания как в аспекте анализа его собственной творческой и педагогической истории, так и с точки зрения становления русской художественной школы, наконец — в контексте разработки теории пропорций в европейском искусстве. Однако, эти вопросы не могут быть решены в рамках данной статьи. Она представляет собой лишь попытку наметить пути их решения.

Как справедливо отмечал А.Л. Каганович, "стремление художника к созданию системы не было вызвано интересом к канонизации, а было продиктовано потребностями методики художественного образования".³

В XVIII столетии, когда европейские академии переживали эпоху расцвета, подобные сочинения создавались во многих странах. Попытки выявить закономерности построения человеческого тела в

произведениях античной скульптуры отражены в гравюрах с обмерами наиболее известных памятников: Лаокоона, Аполлона Бельведерского, Геркулеса Фарнезского, Венеры Медицейской и др.⁴ Сравнение изображений одних и тех же произведений античности в пособиях XVIII века, издававшихся в разных странах, свидетельствует о том, что, сходясь в указании основных размеров, они заметно отличаются в выборе точек отсчета и ракурсов более мелких членений. Такими обмерами иллюстрировались положения И.-И. Винкельмана, они воспроизводились в энциклопедии Д. Дидро. Эти гравированные образцы использовались в учебной практике Российской Академии художеств в середине XIX столетия, чем свидетельствует сохранившийся в собрании ее библиотеки альбом рисунков ученика 2 класса Н. Бруни.⁵

Если же обратиться к рисункам XVIII века с антиков, то работы, поднимающиеся от учебного уровня до создания художественного образа памятника древности, к каковым относятся произведения Лосенко, отнюдь не являются суммой обмеров. Так, фигура Германика на гравюре Г. Пермякова, воспроизводящей оригинал А.П. Лосенко, при общей соразмерности частей, их внутренней гармонии, по сравнению со скульптурным произведением несколько утяжелена.⁶ Нет буквального совпадения пропорциональных членений с антиками и в других работах.

"Лосенко, — по словам Е.И. Гавриловой, — вносит в трактовку античных статуй свое превосходное знание живой натуры, от чего антики в его рисунках обретают удивительную жизненность".⁷ Вероятно, эта жизненность может быть объяснима при более пристальном рассмотрении 'Изъяснения', раскрывающего соотношения взаимозависимых величин на основе двенадцатичастного, более измельченного в сравнении с европейскими образами, членения человеческого тела. Это обуславливает детальный анализ формы, а тем самым предполагает не только углубленное изучение натуры и

изображение антика как природы, но главное — системный подход к построению художественной формы. Эта задача и являлась одной из важнейших для русской художественной школы XVIII столетия.

Унаследовавшая средневековое каноническое мировосприятие, русская культура Нового времени видела в античности способ художественного обобщения и иконографический образец. Однако, в отличие от западноевропейского искусства, прошедшего последовательно этапы стилистической эволюции, в России принцип ретроспективной аналогии распространялся не только в аспекте "современное-античное", выразившийся в выборе героев, сюжетов, в "цитировании" поз и жестов античной скульптуры. Он включал события библейской и национальной истории, как прообраз и отражение истории античной. Даже складывались легенды о божественной каре, постигшей художника, написавшего Иисуса Христа в образе Зевса, в то время как он мог уподобляться лишь Орфею.⁸ Соответственно иконография античности также трансформировалась в контексте национальных традиций понимания роли героя в исторической композиции. Если в работах русских мастеров первой половины XVIII века трактовка человеческой фигуры представляла собой попытку воспроизведения европейских образцов, то создание национальной художественной школы Нового времени породило необходимость ее углубленного изучения.

Эпоха Просвещения, избрав вслед за античностью, человека мерой всех вещей, сделала его самого объектом измерений и всестороннего анализа. Формируются представления об идеальных пропорциях фигуры, по математическим законам строятся скульптурные рельефы. При построении композиции художникам рекомендуются "самые лучшие содержания к размерению картины",⁹ разрабатываются пропорциональные соотношения между тремя основными планами, в живописи предлагается "наблюдать степени красок, или иначе сказать тоны и полутоны, кои имеют содержание 1:2, 2:3, 3:4, 4:5, 5:6, 3:5, 5:8",¹⁰ то есть, со всей очевидностью предстает тенденция к применению научных

знаний в сфере искусства. На этом фоне закономерным представляется обращение русской художественной школы к европейскому опыту не только в общей программной ориентации на античное наследие, выборе образцов для копирования, но и использовании методических пособий.

Сочинения по теории пропорций были достаточно полно представлены в собрании Академии художеств.¹¹ В личной библиотеке Лосенко были трактат Леонардо да Винчи¹² и 'Прейслерово руководство к рисовальному художеству'.¹³ Однако, становление национальной художественной школы требовало осмысления и обобщения этой кардинальной проблемы изобразительного искусства в форме, соответствующей именно русским условиям второй половины XVIII столетия. Необходим был не просто перевод на русский язык иностранного трактата, не только краткая аннотация к таблицам, но и разработка таких таблиц, руководствуясь которыми, будущие художники приучались бы к детальному анализу пластической формы. Этого не могли дать ни буквалыные обмеры антиков, ни расчеты общих пропорций головы и тела человека.

Теория Лосенко, ставшая образцом для многих поколений русских художников, была построена "на достоверном исследовании разных пропорций древних статуй".¹⁴ Для середины и второй половины XVIII века характерными произведениями античности, неоднократно рисованными самим Лосенко, являлись памятники, созданные в эпоху эллинизма, когда на смену "квадратному" канону Пликлета пришли новые представления о красоте человеческого тела, легшие в основу многих теоретических сочинений эпохи Возрождения, XVII и XVIII веков.¹⁵

Для выявления степени оригинальности труда Лосенко следует обратиться к другим системам пропорций, разрабатывавшимся в европейских странах. Это переизданный в России В.И. Баженовым труд К. Перро, составившего комментарии и реконструировавшего рисунки к трактату Витрувия; широко распространенная в учебной практике

'Прейслерова система', также включавшая канон пропорций человеческого тела; труды Ш.-Н. Кошена, иллюстрировавшего статью о пропорциях в энциклопедии Д. Дидро; неоднократно публиковавшееся в XVIII веке пособие по рисунку Ж. Кузена, развивавшего основные положения теории Д. Ломатцо; разработки Г. Гамильтона в Англии и Р. Кампера в Голландии; система пропорций А.Р. Менгса, подробно изложенная И. Винкельманом в *Истории искусства древности* и др.

Большинство авторов, за редким исключением (Р. Кампер) строят свои расчеты исходя из того, что размер головы составляет $1/8$ часть всей фигуры, центр которой приходится на лобковую кость. Однако, деление по вертикали на 8 равных частей не означает тождества пропорций фигур, поскольку в этих членениях из 9 главных точек буквально совпадают только 3 (верхняя и нижняя границы и центр). В заданные отрезки вписываются не всегда равные части тела. Например, у Кошена верхняя $1/8$ доля включает не только голову, но и часть шеи, до щитовидной железы. Общий пропорциональный строй его фигуры с несколько сокращенной верхней половиной туловища, близок к работе Кузена, также отличающейся от произведений рассматриваемого ряда.

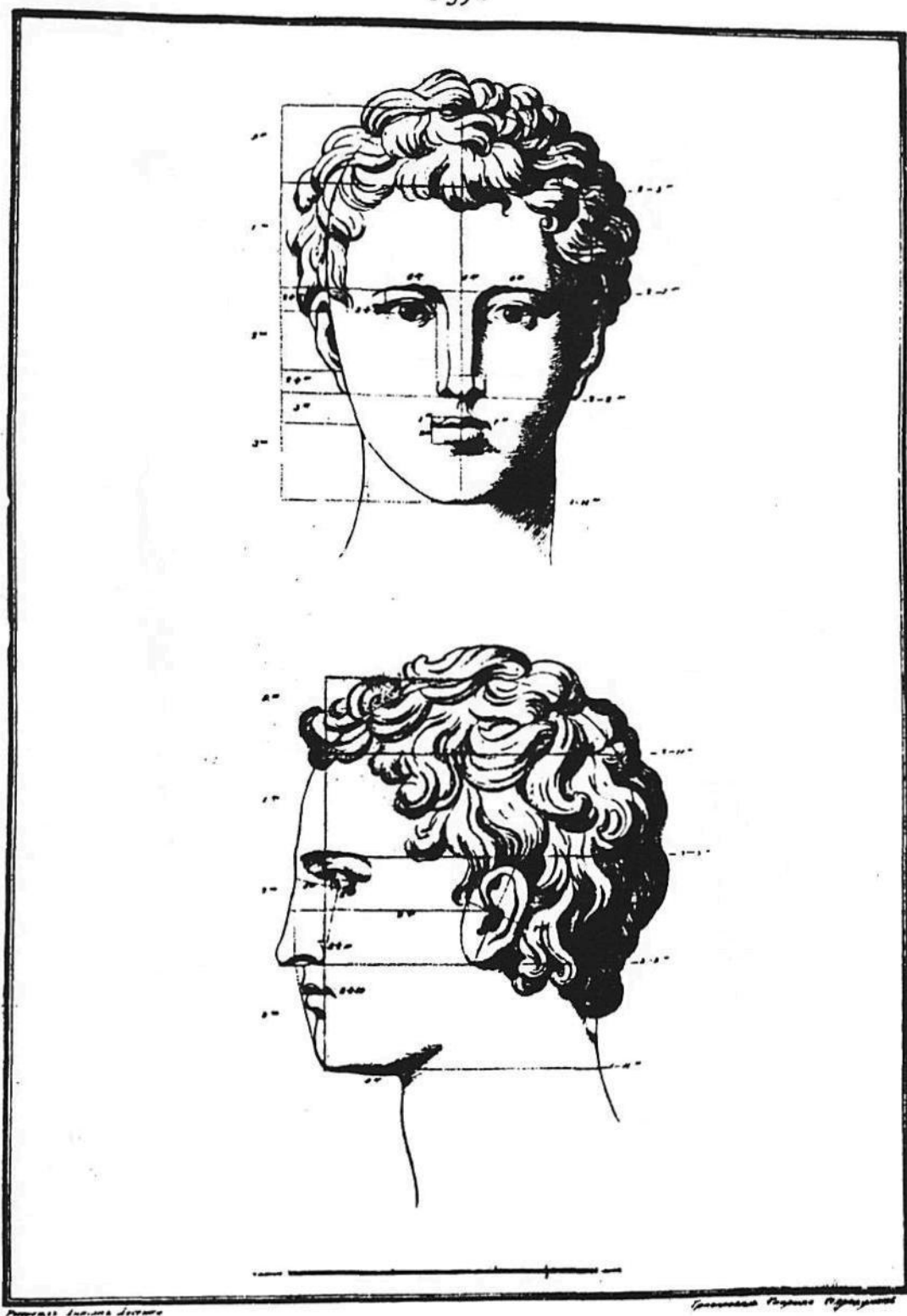
Изображения, построенные по расчетам Прейслера, Менгса, Гамильтона и Лосенко, а также 'Экорше' Гудона практически совпадают в 6 точках. Отклонения наблюдаются только в членениях на уровне пупка и голени.

Различия в построении фигур по горизонтали более заметны, хотя в европейских методических пособиях они обычно не фиксируются, но могут быть легко определены по таблицам и подтверждены при сопоставлении с творческими работами их авторов. Французская школа характеризуется сокращением верхней части фигуры, немецкая и английская — более равномерно распределенными массами. Рисунки Лосенко, с выраженными перепадами основных объемов, представляются наиболее близкими итальянской системе пропорций.

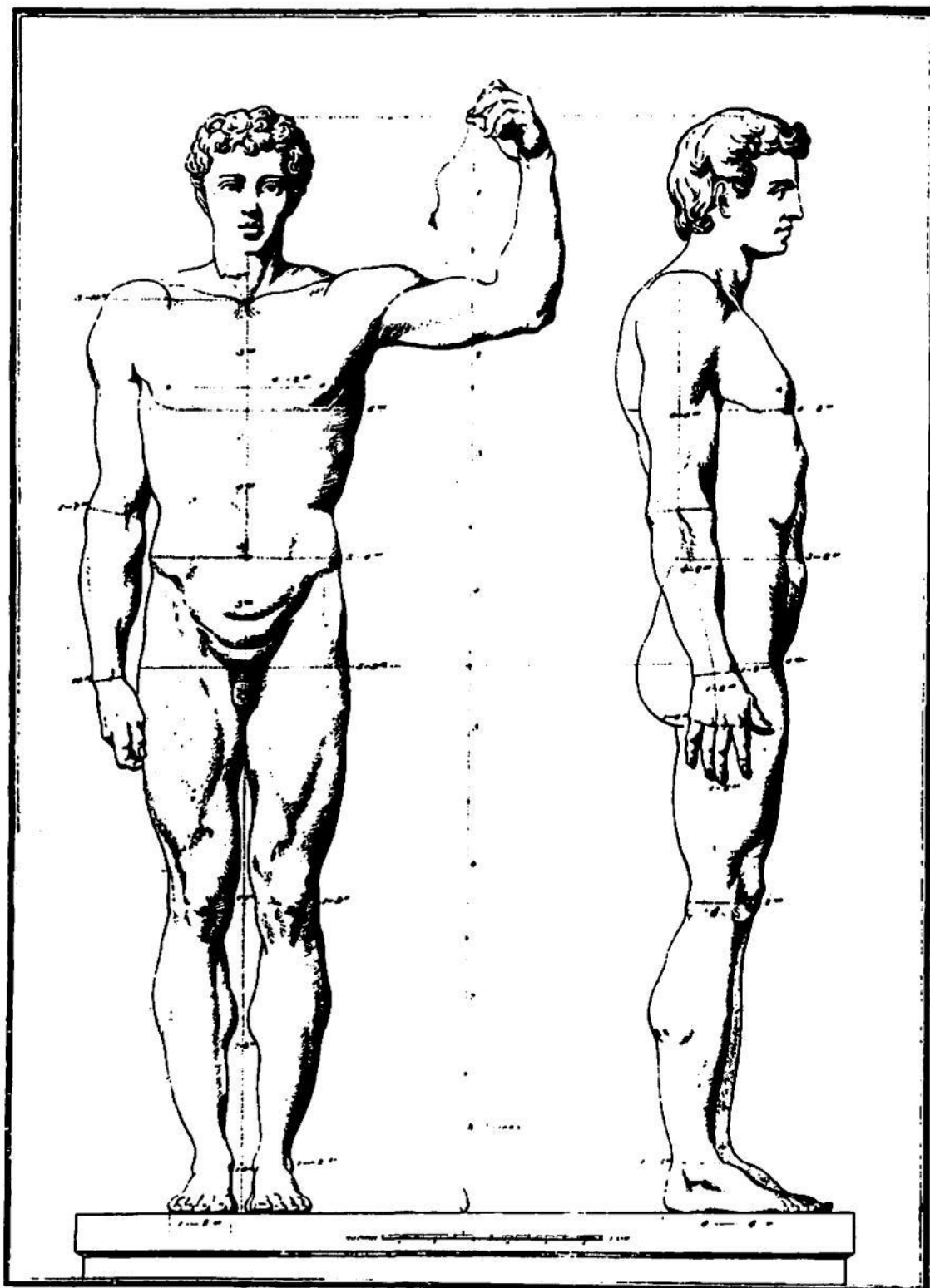
Особенностью таблиц Лосенко является наглядная демонстрация взаимозависимости пропорциональных величин, составляющих человеческое тело не только на плоскости, но и в пространстве. Размещенные рядом изображения в фас и профиль головы и фигуры, ориентировали русских учеников на решение важнейшей для них задачи пространственного построения.

Близкие в своей основе, но достаточно самостоятельные системы пропорций XVIII века, были порождены единой художественной средой Европы середины-второй половины XVIII столетия. Шарль-Никола Кошен — автор рисунка для *Энциклопедии*, награвированного Р. Бернаром, основы профессионального мастерства постигал у Ж. Рету, учившего А. Лосенко во время его первого приезда в Париж. Будучи в Риме, Лосенко встречался с немецким художником И.Х. Маннлихом — учеником Антона Рафаэля Менгса, впоследствии автором трактата по анатомии.¹⁶ Об этом свидетельствуют записи в дневнике Маннлиха, где он упоминает Лосенко и других пенсионеров, рассказывает о своих занятиях анатомией в больнице св. Людовика вместе с Ж. Гудоном, который работал тогда над 'Экорше'.¹⁷ В ту же пору в Риме находился и Г. Гамильтон, разрабатывавший впоследствии свою систему пропорций. Все это примеры единой направленности творческих поисков современников, свидетельство актуальности труда Лосенко в общем контексте развития европейского художественного образования.

Для воспитанников Академии художеств в Санкт-Петербурге теория Лосенко имела особое значение, служа не только важным средством постижения натуры сквозь призму классического наследия, но и ключем к пониманию проблемы восприятия и построения пространственной скульптурной формы. Эти задачи, непосредственно связанные с вопросами стиля русского искусства, решались в общем русле развития национальной художественной школы, свидетельством зрелости которой явилось создание собственной теории пропорций. Вот почему столь справедливы, часто цитируемые слова И.А. Акимова в

Изъяснение краткой пропорции. Голова. 1772

Пояснение краткой пропорции. Фигура. 1772

отношении Лосенко: "Сему-то опытному художнику обязаны все тогда обучавшиеся не токмо живописи, но даже скульптуре и гравированию. Он во многом образовал их и руководил к достижению той отличности, которую некоторые после достойно заслужили".¹⁸

О широком использовании труда Лосенко в педагогической практике свидетельствуют известные по архивным документам факты неоднократной раздачи экземпляров 'Изъяснения' ученикам Академии, "упражняющимся с натуры и с гипсовых фигур".¹⁹ Среди названных в списке 1773 года воспитанников Академии и живописцы, и скульпторы, и ученики класса математических инструментов.

Необходимость изучения теории пропорций наряду с геометрией, перспективой и оптикой для воспитанников Академии художеств подчеркивал в 1794 году, пройдя академическую школу и "двадцать лет занимаясь в важнейших местах обучением других", Иван Урванов. Отметив, что "об оной многия уже есть книги с рисунками, особливо же достойна похвалы пропорция, изданная во Императорской Академии Художеств господином Профессором Лосенковым в 1767 году",²⁰ он, освещая проблемы копирования, рисунка с натуры, построения композиции картины и т.д., неоднократно касается вопросов соразмерности, пропорциональности человеческой фигуры.

Об интересе к теории пропорций Лосенко в XIX веке говорят выявленные Кагановичем публикации текста 'Изъяснения' в *Журнале изящных искусств* (1807г.), *Художественной газете* (1838г.), высказывания А. Ивановского (1870г.), наконец, факт закупки В.В. Стасовым для Публичной библиотеки 'Изъяснения краткой пропорци' и листов, награвированных учениками Академии художеств в конце XVIII века по рисункам Лосенко с античной скульптуры.

Попыткой практически использовать систему Лосенко в новых исторических условиях явилось пособие А. Ястребилова²¹ для воспитанников Московского училища 'Легчайший способ без масштаба

увеличивать и уменьшать фигуру человека произвольно по размеру профессора Лосенкова'. Введенное в научный оборот А.Л. Кагановичем и впоследствии опубликованное в книге Н.Н. Ростовцева *Очерки по истории методов преподавания рисунка*, пособие Ястребилова представляет собой модификацию пропорций Лосенко, позволяющую путем простейших геометрических построений воспроизвести различные позы фигуры.²² Основываясь на пропорции Лосенко, Ястребилов не буквально калькирует рисунок, но смещает некоторые точки в схеме, утяжеляет всю фигуру, лишая ее гармонии, присущей оригиналу. Однако показательно уже само обращение к труду Лосенко, как универсальной методической разработке, сохранившей свое значение в период новой стилистической ориентации.

Трудно переоценить роль теории А.П. Лосенко для русского искусства 2-ой половины XVIII века. 'Изъяснение' стало первым самостоятельным пособием русской художественной школы Нового времени, важнейшим звеном в системе обучения воспитанников Академии художеств. Восприняв основы рисунка в процессе копирования образцов, значительную часть которых составляли работы Лосенко, представлявшие собой штудии антиков, учащиеся Академии при переходе в гипсофигурный и натурный классы, руководствовались 'Изъяснением', как методической основой постижения натуры сквозь призму закономерностей, выявленных и закреплённых многовековым опытом европейского искусства.

Являясь отражением способа художественного обобщения, труд Лосенко имел значение не только в развитии русской художественной школы, но и в утверждении национального своеобразия в понимании важнейшей для эпохи Просвещения категории 'совершенство'.

Е.Б. Мозговая (Санкт-Петербургский Институт им. И.Е. Репина)

Примечания

¹ Российский Государственный Исторический Архив, ф. 789, оп. 19, отд. XVIII, д. 7, л. 122. Обнаружено А.Л. Кагановичем.

² А.Л. Каганович, *Антон Лосенко и русское искусство середины XVIII столетия* (М., 1963), с. 218. Попыткой практически использовать систему Лосенко в новых исторических условиях явилось пособие А. Ястребилова для воспитанников Московского училища *Легчайший способ без масштаба увеличивать и уменьшать фигуру человека произвольно по размеру профессора Лосенкова* (См. прим. 21). В книге Н. Молевой и Э. Белютина *Педагогическая система Академии художеств XVIII века* (М., 1956), сс. 178, 179, 376, 377, был приведен текст 'Изъяснения', однако авторы сочли его лишь фрагментом неопубликованного сочинения Лосенко.

³ Каганович, *Ук. соч.*, с. 214.

⁴ Ch.-A. Jombert, *Méthode pour apprendre le dessein ...* (Paris, 1755). F.A. David, *Proportions des plus belles figures de l'antiquité* (Paris, 1798). *Recueil de planches sur les sciences, les arts libéraux, et les arts mécaniques ...* Seconde partie (Paris, 1763).

⁵ Научная библиотека Российской Академии художеств. Н. Бруни, *Альбом анатомии. (Оригинальные рисунки)* (1867 г.), 2 курс.

⁶ Российская Государственная Библиотека, Отдел эстампов; А.Л. Каганович, *Ук. соч.*, илл. 95.

⁷ Е.И. Гаврилова, 'О рисунках А. Лосенко', *Искусство*, № 1 (1964), с. 64.

⁸ В. Владимирский, 'Богочеловек в церковной живописи', *Душеполезное чтение*, ч. III (1868), с. 192.

⁹ Урванов, *Краткое руководство к познанию рисования и живописи исторического рода, основанное на умозрении и опытах. Сочинено для учащихся художником И.У.* (СПБ., 1793), с. 95.

¹⁰ Урванов, *Ук. соч.*, с. 34.

-
- 11 Н.Е. Белоутова, *Книги XVIII века в фонде Научной библиотеки Академии художеств СССР* (Л., 1963).
- 12 *Trattato della pittura di Lionardo da Vinci en folio*. Каганович, Ук. соч., с. 283.
- 13 Каганович, Ук. соч., с. 283.
- 14 А.П. Лосенко, *Изъяснение краткой пропорции человека, основанной на достоверном исследовании разных пропорций древних статуй, старанием императорской Академии художеств Профессора живописи господина Лосенко для пользы юношества, упражняющегося в рисовании* изданное (СПБ., 1772).
- 15 *Recueil de planches sur les sciences, les arts libéraux et les arts mécaniques ...* Seconde partie (Paris, 1763), p. XIV; Cousin, *L'art de dessigner par Cousin* (Paris, 1771), p. 47, 49;
J.D. Preissler, *Die durch Theorie arfundene Practic* (1789), p. 1;
H. Hamilton, *Schola italica picturae*. (1773); R. Campers, *Vorlessungen gehalten in der Amcterdamer zeichen* (Berlin, 1793), p. IX; Витрувий, *Марка Витрувия Поллиона об архитектуре* книга третья с примечаниями доктора медицины и французской Академии члена г. Перро (СПБ., 1792), ч. 1, с. 5.
- 16 Каганович, Ук. соч., с.80, 258, 277, прим. 147, 386.
- 17 Г.Г. Арнансон, *Скульптура Гудона* (М., 1982), с.20.
- 18 Каганович, Ук. соч., с.236; *Северный вестник*, ч.1, (1804), сс.350,351.
- 19 Российский Государственный Исторический Архив, ф.789, оп.19, отд.VIII, д. 1572, л.53.
- 20 Урванов, Ук. соч., с.iv.
- 21 Александр Ястребилов обучался в Академии художеств с 1803 по 1817 г. Закончил ее, выйдя из 4 возраста с аттестатом первой степени. Потом жил в Москве, где был учителем рисования. В 1840-х гг. "держал литографию". См.: *Сборник материалов для истории Императорской С-Петербургской Академии художеств ...* Под ред. П.Н. Петрова (СПБ., 1864-1866), I, с.567; т.2, сс. 53,74,96; Д.А. Ровинский, *Подробный словарь русских гравиров* (СПБ., 1895).

22 Каганович. Ук. соч. , с. 277, прим. 378: Н.Н. Ростовцев, *Очерки по истории методов преподавания рисунка* (М., 1983), с.128-134. Нельзя согласиться с утверждением Н.Н. Ростовцева, что опубликованный им труд Ястребилова в действительности принадлежит Лосенко. В отличии 'Руководства как увеличить и уменьшить фигуру человека' от 'Изъяснения' Лосенко убеждает сопоставление рисунков, иллюстрирующих текст; да и само построение текста с системой примечаний, обосновывающих возможность изображения фигуры в различных, используя исходные точки лосенковской пропорции, также свидетельствует о его более позднем происхождении.

III О ФРАНЦУЗСКИХ ИСТОЧНИКАХ БАРКОВИАНЫ¹

Русская порнографическая литература эпохи классицизма восходит, как многие другие культурные явления XVIII века, к западноевропейским корням. Давно известно, что большую роль сыграла в этом отношении *Ode à Priape* (Ода Приапу) 1710 г. французского поэта А. Пирона. Именно это стихотворение подвергалось в России XVIII века многочисленным подражаниям и не раз переводилось.

Критик и библиограф М.Н. Лонгинов, знаток, собиратель и сочинитель порнографических произведений, сообщает: "У меня была (...) старинная рукопись, заключающая в себе знаменитую оду Пирона: 'К Приапу' ('*Ode à Priape*'), с стихотворными переводами оной И.П. Елагина и Баркова, 'texte en regard' ";² выражение 'texte en regard' следует, видимо, понимать как параллельно сопоставленные тексты поэтического состязания Елагина с Барковым в переводе оды Пирона.

Поэтические состязания — явление достаточно характерное для русского классицизма. Известно соревнование Ломоносова, Тредиаковского и Сумарокова 1743 г. в переводе 143-го псалма.³ Сам факт состязания в связи с *Одой Приапу* указывает на то, что барковиана — плод поэтики классицизма, а не "демократической" или низовой литературы, как считалось некогда в советском литературоведении.

Первоначальное ядро рукописных сборников порнографических произведений, получивших впоследствии название *Девичья игрушка*, было создано примерно к началу 1750-х гг. Как представляется, именно *Ода Приапу* Пирона являлась стилистическим эталоном для ранних произведений барковианы в целом, независимо от их жанровой принадлежности.

Судя по наиболее древним спискам *Девичьей игрушки*, произведения в этих рукописных сборниках были упорядочены по жанровому признаку. Сначала шли торжественные оды, за ними поэмы, эпистолы, элегии, притчи, эпиграммы и другие мелкие стихотворные жанры. В

состав сборников входили также драматические произведения, в том числе даже похабная трагедия. Едва ли не все эти произведения воспроизводят, независимо от их жанра, не только тематические, но и характерные формальные черты оды Пирона. Это, во-первых, экцессивное употребление непечатной лексики; во-вторых, сохранение всех формальных, стилистических и риторических признаков жанра, начиная со строфики, метрики, рифмы, и кончая свойственными ему стилистическими приемами. Сохранение жанровой схемы, а также соответствующей риторической и стилистической интонации приводит — в комбинации с непечатной лексикой и с порнографической тематикой — к бурлескному эффекту столкновения возвышенного и низменного.

Бурлеск как поэтический прием — разновидность комического, основанная на противопоставлении возвышенного и низменного, причем этот контраст реализован как несоответствие стиля и содержания. Ода Пирона, как и большинство произведений раннего ядра *Девичьей игрушки* — бурлескные жанровые пародии.

Французский образец и русские подражания объединяет также одинаковая языковая функция непечатной лексики в этих произведениях, отличающаяся заметным образом от преобладающей языковой функции непечатной лексики, например, порнографического романа. Для *Оды Приапу* характерно, что референциальная функция употребленных в ней непечатных выражений отступает на задний план в пользу экспрессивной функции или же в пользу функции поэтической.⁴ Непечатная лексика оды становится орнаментом, украшающим аксессуаром, относящимся не столько к внеязычной действительности, сколько к выражению определенного настроения. Одновременно она служит пародированию риторических штампов высокого стиля, являясь в связи с тем носителем поэтической функции как специфическая составная часть определенных литературных приемов. Если в начальном стихе оды Пирона написано: "Foutre des neuf garces du Pinde" (что

дословно переводится как: "Ебать девять парнасских шлюх"), то перед нами не описание того, что должно произойти с "девятью парнасскими шлюхами", а скорее бурлескная invocatio, задача которой — передразнить одический топос обращения к музам. Именно это преобладание экспрессивной функции непечатной лексики над ее референциальной функцией можно наблюдать и в русских жанровых пародиях свода барковианы.

Констатация факта, что по французскому образцу возникла — наряду с многими другими областями литературы — и русская порнография, в контексте русской литературы XVIII века не является, конечно, большой неожиданностью. Русские заимствовали что угодно, почему бы и не порнографию? Значение для определения своеобразия *Девичьей игрушки* имеет не это тривиальное наблюдение, а тот факт, что ода Пирона, из которой русские сделали парадигму для целой литературной отрасли, с точки зрения формы занимает в огромном потоке западноевропейской эротической литературы XVIII века едва ли не исключительное положение.

Хотя Ода Приапу быстро завоевала себе скандальную славу, данная форма непечатной жанровой пародии в самой Франции подражателей, видимо, не имела. Чтобы проиллюстрировать особый характер этой оды, не лишним будет провести несколько соображений статистического плана об общем составе французской эротической литературы данной эпохи.

XVIII век нередко именуется "золотым веком порнографии".⁵ О количестве изданных тогда произведений этого типа дают представление библиографии "адского" отделения ("Enfer") парижской Bibliothèque nationale. В одной из них указано 930 названий,⁶ в более новой — 1730 названий,⁷ большинство из них на французском языке. Если исключить переиздания и позднейшие перепечатки, останется все еще примерно несколько сот различных названий, которые XVIII век произвел в одной лишь Франции. Однако, большинство из них относится

ко второй половине столетия. Нас же интересуют произведения, вышедшие из печати примерно до 1750 г., то есть те сочинения, которые теоретически могли бы повлиять на развитие данной области литературы в России до указанного времени. Таковых можно было бы перечислить не меньше чем несколько десятков. Большинство из них, опять-таки, относится не к стихотворным, а к прозаическим произведениям.

Если во Франции в области порнографической литературы господствует прозаический жанр романа, то русская литература XVIII века — и рукописная и печатная — в прозе не может предьявить ничего подобного; не было даже переводов, не говоря об оригинальных произведениях. Можно бы назвать разве что *Пригожую поварику* Чулкова 1770 г., однако относительно скромная доля эротического в этом сочинении объясняется скорее поэтикой плутовского романа,⁸ чем поэтикой порнографического повествования.

Почему не было соответствующих прозаических сочинений на русском языке? Каким образом отрасль литературы, пользующаяся такой популярностью во Франции, не стала частью цветущего в ту пору "импорта культуры"⁹ в Россию?

Причиной едва ли было отсутствие заинтересованного читателя. Культурная элита была в состоянии читать эротические романы на языке оригинала, что, несомненно, и происходило. Показателен в этом отношении отдел *Sekreta* в каталоге одной из крупнейших частных библиотек XVIII века — уничтоженной в 1812 г. библиотеки гр. Д.Н. Шереметева.¹⁰ Порнографические сочинения на французском языке можно было приобрести в столичных книжных магазинах, например, в московской академической книжной лавке.¹¹ Интересен в связи с данным вопросом и пассаж в автобиографии Д.И. Фонвизина *Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях*, где говорится о книжном продавце, который пополнял эдудикацию малолетнего Фонвизина, доставая ему соответствующие иностранные книги: "отобрал

для меня целое собрание книг соблазнительных, украшенных скверными эстампами, кои развратили мое воображение и возмутили душу мою".¹²

Отсутствие порнографической прозы в России XVIII века не может быть также удовлетворительно объяснено *цензурными* условиями. Во-первых, подобных сочинений нет и в бесцензурной рукописной литературе. Во-вторых, и во Франции существовал мощный цензурный аппарат,¹³ который, тем не менее, не смог воспрепятствовать распространению порнографических романов с помощью целой сети подпольных типографий и подпольных книгопродавцов. Таких нелегальных учреждений в России, по-видимому, не было вообще, как и не было типичных для французской издательской практики того времени игр с ложными выходными данными — местом публикации, годом издания и названием типографии. Этот прием ввел в XIX веке со столетним опозданием А.Н. Афанасьев, издав в 1872 г. в Женеве сборник *Русские заветные сказки с выходными данными*: "Валаам. Типарским художеством монашествующей братии. Год мракобесия".

Так как названные внеэстетические критерии не разрешают проблемы, причины полного отсутствия русской порнографической прозы следует, по-видимому, искать в области эстетики. Являлось ли недостаточное развитие техники прозы в России такой причиной? Едва ли. Можно, правда, в общем, утверждать, что в сравнении с западноевропейской литературой русская проза вплоть до 1790-х гг. не вышла из пелёнок. Ни в области лирики, ни в области драматургии пропасть между степенью развития в России и стандартом на Западе не была так велика, как в области прозы.

Тем не менее, можно предполагать, что, к примеру, автор умеренно эротизированной *Пригожей поварики* с точки зрения писательского умения смог бы написать и порнографический рассказ прозой. Имеются признаки известного влияния французской порнографической прозы на роман Чулкова; полное название этого произведения: *Пригожая поварики, или Похождение развратной*

женщины соответствует стопроцентно конвенциям наименования порнографического романа. Во Франции XVIII века читательские представления о содержании книги с подобным заглавием были бы совершенно недвусмысленны.¹⁴ Следует также отметить, что имя "пригожей поварихи" Мартона, напоминает Марго, имя героини одного из популярнейших сочинений данного жанра — романа Foucheret de Monbron'a *Margot la ravaudeuse* (Заплатчица Марго), вышедшего в 1750 г.

Почему в России сочинялись исключительно порнографические стихи, порнографическая же проза не сочинялась вообще? Примечательно, что это ситуация наблюдается и в XIX веке. Эпоха Гоголя, Гончарова, Тургенева, Достоевского и Толстого не произвела ни одного эротического романа; более того — и крупнейшие прозаики, и авторы второго ряда предпочитали не касаться темы половых отношений или ограничиваться, в случае необходимости, намеками и фигурами умолчания.

Совсем по-другому дело обстоит в области лирики. Традиция рукописных стихотворных порнографических сборников в XIX веке "творчески развивается". Перелисываются всё заново не только старые тексты *Девичьей игрушки*; именно в XIX веке сочиняется очень большое количество порнографических стихов. В сущности, поток лирических произведений этого типа не прекращается со времен Баркова.¹⁵ Свою лепту внесли сюда и крупнейшие среди русских писателей, например, Пушкин (со своей *Тенью Баркова* и многочисленными другими стихами), Лермонтов (с *Юнкерскими стихотворениями*, *Уланшей*), Тургенев (с поэмой *Поп*).

И в области стихотворного творчества сравнение с французской традицией эротической лирики обнаруживает расхождения, особенно с ранней барковианой. Количество подобных произведений также не малозначительно; автор истории эротической литературы пишет в разделе, посвящённом французским эротическим стихотворным сборникам XVIII века: "Ни один именитый автор времени не отказывается

возложить на жертвеннике физической Венеры поэтические пожертвования, и едва ли не каждый именитый поэт позволил себе сочинить собственные *Oeuvres badines*".¹⁶ Это утверждение, однако, несколько утрировано. "Едва ли не каждый" или, по крайней мере, многие испробовали свои силы в этом жанре, однако круг поэтов, сочинявших *сборники* эротических стихов, все-таки, ограниченный. В рамках постановки вопроса настоящего сообщения — возможности влияния на раннюю барковину — внимания заслуживают, прежде всего, те "poètes érotiques", которые публиковались в первой половине XVIII века. Это малоизвестные, в большинстве своем давно забытые имена: Vergier (1657-1720), Grécourt (1683-1743), Piron (1689-1773), Caylus (1692-1765), Voisenon (1708-1775), Gresset (1709-1777), пожалуй, еще Vadé (1719-1757) и Robbé de Beauvest (1725-1794).

Эксплицитно эротические сочинения названных поэтов, по тенденции, скорее "галантны", чем скабрёзны, скорее шванкообразны, чем лирически, непечатные слова в них скорее исключение, чем правило. В отношении формы преобладают жанры стихотворного рассказа (conte) и эпиграммы, которые, не будучи высокими, не содержат бурлескно-пародических коннотаций.

Рассмотрим же, к примеру, *Oeuvres badines* Пирона.¹⁷ Можно, во-первых, констатировать, что прославленная дурной славой *Ода Приапу* с точки зрения формы в качестве пародии на классицистический жанр — большое исключение. Эффект жанровой пародии наблюдается разве что еще в оде *L'Étron royal* (*Королевский кал*), но это не столько похабное, сколько скатологическое стихотворение. Почти все тексты эротических сочинений Пирона ограничиваются типичными для его эпохи эротическими жанрами — стихотворным рассказом и эпиграммой.

Во-вторых, бросается в глаза, что Пирон с похабными словами обходится обычно несравненно экономнее, чем в *Оде Приапу*, где эта лексика появляется непременно многократно в каждой строфе. Пирон применяет непечатные выражения лишь в единичных случаях, к

примеру, с целью акцентировки *pointe* эпиграммы. В этих случаях связь похабного слова с внеязыковой действительностью (его референциальная функция) остается на первом плане, иначе, чем в *Оде Приапу*, где непечатные выражения служат, в первую очередь, пародистическому остранению тропов и фигур одического стиля. Другую возможность для применения похабной лексики в стихах Пирона представляют скабрёзные каламбуры, где на первом плане стоит поэтическая функция этой лексики.

Однако ни у Пирона, ни у других французских "эротических поэтов" XVIII века нет целых серий стихотворений, пересмеивающих весь жанровый канон классицизма жанр за жанром, травестируя их одним лишь применением непечатной лексики — то есть ту картину, которую представляют сборники *Девичьей игрушки*.

Итак, можно сказать, что формальная манера *Оды Приапу*, сыгравшей в России в стилистическом плане столь определяющую роль, для ситуации во Франции отнюдь не характерна. Большое исключение во Франции стало в России правилом.

Как же объяснить факт, что "пионеры" русской порнографии выбрали в качестве образца именно нафаршированную непечатными выражениями и единичностью своей прямо-таки экспериментальную пародийную оду? Почему этим образцовым жанром не стал, к примеру, и литературно и эротически намного более интересный стихотворный рассказ или же прозаический роман, доминирующий, в конце концов, в области эротической литературы во Франции? Возникают два вопроса. Во-первых: Почему стихи, а не проза? Во-вторых: Почему выбор пал не на популярные стихотворные жанры, а на чрезвычайную с точки зрения форм жанровую пародию?

Обратим внимание на общие условия возникновения этого рода стихов в России. Формирование свода барковианы, происходившее параллельно к развитию классицизма, очевидно, связано с наблюдением Ю.М. Лотмана, согласно которому эстетически нормативные культурные

формации имеют тенденцию к разделению литературы на "верхний" и "нижний" этажи. Лотман не имеет в виду противопоставления высоких и низких жанров; речь идет о разделении литературы на официальную, предназначенную для печати, с одной стороны, и на неофициальную, создаваемую не для печатного станка, с другой стороны: "Литература, стремящаяся к строгой нормализации, нуждается в отверженной, неофициальной словесности и сама ее создает".¹⁸

В.М. Живов подчеркивает "внутрилитературный" характер этой "отверженной" литературы: "Поэзия 'нижнего этажа' состоит преимущественно из стихов внутрилитературных как по своему содержанию, так и по своей функции".¹⁹ Эти "внутрилитературные" стихотворные сочинения в начале XIX века сконцентрированы на определенных жанрах, в первую очередь, на посланиях, эпиграммах, стихотворных пародиях, сатирах, но и на эротико-порнографических стихах; примером сочинения последнего типа может послужить бурлескная поэма В.Л. Пушкина *Опасный сосед*, содержащая многочисленные литературные намеки.

Сложную картину показывает ситуация около середины XVIII столетия. Разделение литературы на "верхний" и "нижний" этажи проведено, возможно, еще более строго, чем 50-60 лет спустя. В состав текстов "нижнего" этажа входят произведения из трех областей: Это, во-первых, литературная полемика, во-вторых, общественная сатира, и, в-третьих, эротика. Характерно, что "внутрилитературные" черты обнаруживают и в данном случае все три области.

Если предположить вместе с Лотманом и Живовым, что строго нормативная литература — а классицизм является несомненно таковой — нуждается в неофициальной, отверженной словесности и сама ее создает, то возникновение эротики в неофициальном "нижнем" этаже русского классицизма не должно вызывать особого удивления, тем более, что область эротического табуирована и искони принадлежит к неофициальной, потаенной части общечеловеческой культуры. В связи с

тем, необычен не столько сам факт, что классицисты попробовали свои силы в порнографии, сколько манера оформления эротической темы, ориентировавшаяся, как было сказано выше, на скорее периферийной французской модели. Здесь и предстоит заново исходный вопрос о причинах выбора такой необычной жанровой парадигмы.

В свете предыдущих соображений о взаимоотношении "верхнего" и "нижнего" этажей в строго нормализованных литературных формациях понятным становится, прежде всего, почему в условиях русского классицизма жанровой парадигмой эротического не мог стать роман. Эпическая проза игнорировалась классицистической поэтикой, так как она не считалась изящной литературой; место беллетристики было не в "верхнем", не в "нижнем" этажах, а — развивая "архитектурную" метафорику — в доме для челяди. Именно поэтому проза не могла бы исполнять задачу литературы "нижнего" этажа, сутью которой было создание некоего фона из нарушений правил и отклонений от нормы, на котором соблюдение нормы и правил могло восприниматься со всей отчетливостью.

Знаменательно, что к середине XVIII века в России не существовало не только эротической или порнографической прозы, но и прозы литературно-критической или сатирической в сколько-нибудь значительном объеме. Области литературной критики и общественной сатиры обеспечивались, как и область эротики, в большинстве случаев стихотворными жанрами. Вспомним вспыхнувшую одновременно с возникновением барковизма обширную литературную полемику 1750-х гг., в ходе которой противники обменивались не прозаическими трактатами, а почти исключительно стихами — эпистолами и эпиграммами.

На вопрос: почему стихи, а не проза? нельзя, тем не менее, ответить, опираясь на одну лишь специфику русского классицизма. Неясным остается тогда, почему и после упадка классицизма в России не дошло к развитию эротической прозы, между тем, как русские

порнографы и в XIX веке продолжали посвящаться исключительно поэзии.

Если же русские классицисты в области эротического ориентировались не на прозу, а на лирике западноевропейских образцов — почему они стали подражать именно единичному в своем роде стихотворению Пирона? Ведь для подражаний в области эротической поэзии прямо-таки напрашивался господствующий жанр, а именно галантный стихотворный рассказ (*conte*), культивируемый такими "эротическими поэтами", как Vergier, Grécourt и многими другими. Несмотря на это, подобные *contes* практически вообще не нашли подражателей; по-видимому, единственной попыткой в этом направлении в России являются две Сказки Сумарокова, напечатанные в 1755 г. в *Ежемесячных сочинениях*. Сопоставим данный факт с ситуацией во Франции — один лишь Грекур напечатал едва ли не сотни таких стихотворных рассказов; *Oeuvres badines* Пирона содержат, наряду с одной-двумя пародийными одами, около сорока *contes*. Тем не менее, авторы барковианы предпочли подражать стихотворению, правда, скандально шумевшему в свое время, однако по своей форме крайне нетипичному. Мало того, русские подражали *Оде Приапу* не только в собственных похабных одах — они канонизировали стилистические приметы этого стихотворения, распространив их и на другие классицистические жанры.

Очевидно, ода Пирона смогла стать образцом для целой серии подобных сочинений в России, поскольку она содержала нечто, особенно близкое русским подражателям по их родной культуре. Так как русские избрали в качестве образца бесспорно самое сквернословное французское стихотворение, напрашивается подозрение, что этим родным элементом и было широкое употребление непечатной лексики.

Хорошо известно общее распространение сквернословия в русской народной и бытовой культуре, а также сопровождающая ее парадоксальным образом крайняя табуированность данной лексики.²⁰

Это противоречие одновременного пристрастия к непечатному слову и его строгой табуированности Ф.М. Достоевский выразил в *Дневнике писателя* 1873 г. следующим образом: "Народ наш не развратен, а *очень даже целомудрен*, несмотря на то что это бесспорно самый сквернословный народ в целом мире".²¹

Тем не менее, не одной лишь непечатной лексикой оды Пирона так очевидно заинтересовались в России. При выборе парадигмы свою роль сыграли еще два фактора. Первый связан с упомянутыми раньше различными языковыми функциями непечатного слова. Думается, что именно преобладание *экспрессивной* функции нецензурной лексики в *Оде Приапу* должно было восприниматься русскими как культурно близкий элемент. По-видимому, данное пристрастие к эмоциональному аспекту мата имеется в виду, когда Достоевский называет русских "самым сквернословным народом в целом мире". Напротив, преобладание *референциальной* функции непечатной лексики, наблюдаемое, к примеру, в порнографическом романе, в рамках русской культуры представлено весьма слабо. Надо полагать, что здесь, в свою очередь, имеется некая связь с "очень даже целомудренным характером", аттестированным русскому народу Достоевским.

Вторым фактором, имевшим, по-видимому, значение для выбора порнографической жанровой парадигмы, является факт, что в русской народной словесности существовала традиция похабного травестирования текстов, в свете которой жанр *Оды Приапу* мог показаться привычным и культурно близким. Наиболее известным примером фольклорного текста бурлескно-пародистического характера является пародийная былина *Агафонушка* из сборника Кирши Данилова. Относительно маленькое число подобных публикаций, судя по всему, едва ли репрезентативным образом отражает действительные количественные отношения. Есть основания предполагать, что большая часть таких пародий создавалась с применением непечатной лексики; из-за табуированности этого языкового пласта в русской культуре

полная публикация многочисленных текстов данного типа была зачастую исключена.²² Любопытно, в связи с этим, косвенные свидетельства фольклористов, как, например, следующее высказывание П.В. Шейня: "Мои певицы, бабы молодые и пожилые, предобродушно уверяли меня, что их мужчины то и дело пересмеивают их тяговые песни, и если поют их подчас, то все шиворот-навыворот и с словами срамными".²³

Представление о том, в какой степени бурлескное фольклорное произведение может содержать непечатные выражения, дает песня *Стать почитать статью сказать* из сборника Кирши Данилова, а также способ, каким она издавалась (или, лучше сказать, не издавалась). В русских научных изданиях рукописи (в редакции П.Н. Шеффера 1901 г., как и в двух советских изданиях серии "Литературные памятники") на примерно двух страницах текста пропущено не меньше чем 128 слов. Данная песня относится к разряду скоморошин или небылиц; произведения этих жанров можно охарактеризовать как примеры народной вздорной поэзии. Подобным текстам свойственные, в оценке фольклористов, черты алогического и абсурдного;²⁴ в конечном итоге это обозначает именно, что референциальная функция языка здесь менее экспонирована, чем экспрессивная и поэтическая функции.

Непечатные выражения, встречающиеся в упомянутой скоморошине на каждом шагу, образуют некий орнамент, в рамках которого индивидуальное значение этих выражений отходит на задний план в пользу создаваемой ими атмосферы. Именно этот самодовлеющий характер непечатного слова отличает, с точки зрения языковых функций, подобные бурлескные скоморошины от эпического порнографического произведения, сближая их с одой Пирона и с большей частью текстов *Девичьей игрушки*.

Подведем итоги. Главные тезисы настоящего сообщения таковы:

1) Из множества возможных иностранных образцов для подражания в области порнографической литературы русские авторы

избрали себе, в лице непечатно-бурлескной пародийной оды Пирона, произведение — с точки зрения формы — сравнительно маргинальное, едва ли не единичное.

2) Весьма популярный во Франции жанр порнографического романа, напротив, в России не получил никакого резонанса. В XIX веке в этом отношении ничего не изменилось, более того — в русской прозе прошлого столетия сама эротическая тематика не оставила сколько-нибудь заметных следов.

3) Полному отсутствию эротической *прозы* (не говоря даже о прозе порнографической) в русской литературе XVIII и XIX столетий противопоставлена не иссякающая мощная струя эротической и порнографической *лирики*. Другими словами: В русской литературе данного времени область эротического и непечатного связана преимущественно с областью лирического, а не эпического.

4) Данные обстоятельства связаны с двумя тенденциями русского языкового чутья: с тяготением к *экспрессивному* аспекту нецензурных выражений при одновременной антипатии против непечатной лексики в ее *референциальном* аспекте. Связь скабрёзного с лирическим, а не с эпическим, предстаёт в данном освещении как следствие того, что референциальная функция языка доминирует в *эпике*, так как экспрессивная функция преобладает в *лирике*. Антипатия против референциального аспекта этой лексики препятствует употреблению ее в рассчитанной преимущественно на референциальность *эпике*.

Manfred Schruba (Westfälische Wilhelms-Universität Münster)

Примечания

¹ Настоящая статья основана на докладе, прочитанном в январе 1996 г. в Hoddesdon (37th Meeting of the Study Group).

² М.Н. Лонгинов, 'Иван Перфильевич Елагин', *Русская старина*, I, изд. 3 (1870), с. 612.

³ См.: Г.А. Гуковский, 'К вопросу о русском классицизме. Состязания и переводы', *Поэтика*, № 4 (Л. 1928), с. 126-148.

⁴ О языковых функциях см. статью Р. Якобсона 'Linguistics and poetics' (1960): R. Jakobson, *Selected Writings*, III (The Hague, 1981), pp. 22-27.

⁵ См.: J.M. Goulemot, *Ces livres, qu'on ne lit que d'une main. Lecture et lecteurs de livres pornographiques au XVIIIe siècle* (Aix-en-Provence, 1991), p. 153; R. Darnton, 'Sex for Thought', *The New York Review of Books* (22.12.1994), p. 65.

⁶ G. Apollinaire, F. Fleuret, L. Perceau, *L'Enfer de la Bibliothèque nationale: Icono-Bio-Bibliographie de tous les ouvrages composant cette célèbre collection* (Paris, 1919).

⁷ P. Pia, *Les Livres de l'Enfer: Bibliographie critique des ouvrages érotiques dans leurs différentes éditions du XVIe siècle à nos jours* (Paris, 1978).

⁸ См.: J. Striedter, *Der Schelmenroman in Rußland. Ein Beitrag zur Geschichte des russischen Romans vor Gogol'* (Berlin, 1961), S. 115 ff.

⁹ J. Klein, *Kulturimport und Kontextwechsel. Über die russische Literatur des 18. Jahrhunderts* (Leiden, 1993).

¹⁰ *Опись библиотеки, находившейся в Москве на Воздвиженке, в доме гр. Д.Н. Шереметева до 1812 г.* (СПб. 1883).

¹¹ Н.А. Копанев, 'Распространение французской книги в Москве в середине XVIII в.', *Французская книга в России в XVIII в.: Очерки истории* (Л. 1986), с. 59-172. Среди названных книг: Fougeret de Montbron, *Le canapé couleur de feu* (Londres, 1742) и Godard d'Aucour, *Thémidore* (Paris, 1745) (№ 255, 280).

¹² Д.И. Фонвизин, *Собрание сочинений в двух томах*, II (М.; Л. 1959), с. 89.

¹³ См.: R. Darnton, *The Literary Underground of the Old Regime* (Cambridge, 1982).

¹⁴ Ср.: Goulemot, *Ук. соч.*, p. 106.

¹⁵ Ср. содержание следующих сборников: *Под именем Баркова: Эротическая поэзия XVIII — начала XIX века*, изд. подгот. Н. Сапов (М.

1994); *Стихи не для дам: Русская нецензурная поэзия второй половины XIX века*, изд. подгот. А. Ранчин и Н. Сапов (М. 1994).

16 P. Englisch, *Geschichte der erotischen Literatur* (Stuttgart, 1927), S. 407.

17 A. Piron, *Oeuvres complètes illustrées*. Publiées avec introduction et index analytique par P. Dufay, t. 10 (Paris, 1931).

18 Ю.М. Лотман, 'Поэзия 1790 - 1810-х годов', *Поэты 1790 - 1810-х годов* (Л. 1971), с. 26.

19 В.М. Живов, 'Кощунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII — начала XIX века', *Семиотика культуры. Труды по знаковым системам*, [вып.] 13 (Тарту, 1981), с. 87. Перепечатано в книге: *Анти-мир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература* (М. 1996), с. 216.

20 См.: Б.А. Успенский, 'Религиозно-мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии (Семантика русского мата в историческом освещении)', *Semiotics and the History of Culture. In Honor of Jurij Lotman: Studies in Russian* (Columbus, Ohio, 1988), с. 197 и след.; Б.А. Успенский, 'Заветные сказки" А.Н. Афанасьева', *От мифа к литературе: Сборник в честь семидесятилетия Е.М. Мелетинского* (М. 1993), с. 117 и след.

21 Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений*, XXI (Л. 1980), с. 116 (курсив Достоевского).

22 Пробел в этой области восполнен лишь недавно; см.: *Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки*. Сост., научн. редакция А.Л. Топоркова (М. 1995).

23 П.В. Шейн, 'Еще о пародии в народных текстах', *Этнографическое обозрение*, кн. 25, № 2 (1895), с. 144-5.

24 Л.М. Ивлева, 'Скоморошины: Общие проблемы изучения', *Славянский фольклор* (М. 1972), с. 122.

IV DID PETER I ABOLISH THE PALM SUNDAY CEREMONY ?

One of the most colourful of Muscovite rituals was the procession held in the Kremlin and Red Square each Palm Sunday, during which the tsar, on foot, led a horse or donkey on which the metropolitan or (from 1589) the patriarch was seated. The following note arises from correspondence with Professor Michael Flier of Harvard University about my review of a collection of articles jointly edited by him and Daniel Rowland, which includes Professor Flier's contribution on 'Breaking the Code: The Image of the Tsar in the Muscovite Palm Sunday Ritual'.¹ My review of both the volume and his article was generally highly positive, but I did take issue with his statement that Peter the Great 'abolished' the Palm Sunday ceremony in 1697, arguing rather that the ceremony was allowed to lapse. The following note is an expanded version of my reply to his request for a detailed defence of my view. It is not intended to add to the debate on the origin and significance of the Palm Sunday ceremony as such, on which Professor Flier offers a fresh interpretation and substantial bibliographical references.

Although it is certain that the ceremony (referred to as 'ceremony of palms' -- *deistvie Vail* -- in contemporary documents) took place for the last time in the mid-1690s, the question remains as to whether it was abolished by decree. Professor Flier's claim that it was refers to a passage in an article by Viktor Zhivov and Boris Uspenskii, which cites a letter from one Peter Alekseev (a coincidentally appropriate name!), archpriest of the Kremlin Archangel cathedral, to Emperor Paul, which in turn cites an anecdote about Peter I's explanation of his father's anger with Patriarch Nikon to a group of naval officers (allegedly handed down by one of them, I.P. Kozlov, a procurator in Peter's Admiralty college).² Alekseev disapproved of a ceremony in which the "sovereign of all Russia" was downgraded and humiliated (a sensible attitude, in view of the identity of the recipient of his letter), adding that the ritual was "completely abandoned, by the edict (*po ukazu*) of that same great monarch".³ Alekseev did not date this *ukaz*, nor do Zhivov and Uspenskii provide a precise reference to such a document, but a few pages later they state that "the abolition

(*otmena*) of this ceremony at the time of Patriarch Adrian (from 1697) signalled the collapse of the patriarch's power".⁴ Of course, there is no denying that the abandonment of the ceremony reflected Peter's distaste for a ritual which subordinated tsar to patriarch. The symbolism was so blatant that it was impossible to dress it up with a new image, as happened, for example, with the blessing of the waters at Epiphany, which got a new lease of life with the addition of gun salutes and parades of guards. But the fact remains that there is no concrete evidence (in the form of an extant decree or a vanished one with a firm provenance) that Peter *abolished* the ceremony, nor, indeed, any record, except anecdotal, of his specifically denouncing or criticising it. No such decree appears in the published *Pis'ma i bumagi Petra Velikogo* or the *Polnoe sobranie zakonov rossiiskoi imperii*. There is not mention of it in A. Voskresenskii's collection of Petrine laws, which does include, however, a project on a new codification of the laws (never completed in Peter's reign), dated 27 February 1700 and issued in Peter's name after consultation with his 'father' Patriarch Adrian (titles in full) and the whole consecrated assembly of the church.⁵ What this shows is that at the same time as Peter indulged in well-publicised provocative behaviour guaranteed to upset churchmen (consorting with foreigners, banning beards, the Drunken Synod (which included in its repertoire a parody of the Palm Sunday ceremony), divorcing his first wife), he was perfectly capable of presenting himself as a dutiful son of the church. The official purpose of the Grand Embassy, after all, was to get support for fighting the infidels. One might add that Peter did not *abolish* the patriarchate, either, but left the patriarchal throne vacant in 1700. My own research gives no grounds for challenging the sequence of events as set out in by James Cracraft, which shows that even churchmen did not regard the patriarchate as 'abolished' until the Holy Synod rendered it redundant in 1721.⁶

The evidence for why the Palm Sunday ceremony fell into disuse when it did appears to be mainly circumstantial. Identification of the year 1697 as the year of 'abolition' is based on the grounds that the last recorded incident was 1696. Before that Peter and his brother Ivan (died January 1696) sometimes participated jointly.⁷ On the assumption that the ceremony needed both tsar and patriarch, it could not take place in

1697 and 1698 because Peter was abroad on the Grand Embassy. (It is impossible to say whether his departure from Moscow just before Easter in 1697 was intended as a provocative gesture.) He was building ships in Voronezh and concerned with diplomatic developments in the spring of 1699 and 1700.⁸ Clearly Peter by this stage felt no obligation to attend a ceremony which he hated, especially when competition was with an activity which he loved. But still the clerks who compiled the palace records (entries for Palm Sunday 1699 (2 April) and 1700 (24 March)) stated: "There was no procession of the cross and ceremony of palms from the cathedral and apostolic church of the Dormition to the Place of Proclamations as had been the custom" (*iz sobornye i apostolskie tserkvi Uspeniia presviate Bogoroditsy na lobnoe mesto krestnago khodu i deistva Vait, protiv prezhniago obyknoveniia, ne bylo.*)⁹ The wording of the entries suggests that in theory the ceremony might still take place *protiv prezhniago obyknoveniia* (if not very realistically, given Peter's past record), but did not. Surely the record keeper would not have mentioned it at all if it was known to have been abolished by royal decree. Colleagues' comments on this topic would be much appreciated.

Lindsey Hughes (School of Slavonic and East European Studies,
University of London)

References

¹ *Medieval Russian Culture*, II (Berkeley, Los Angeles and London, 1994), 213-42. Review in *Slavonic and East European Review*, LXXIV (1996), 161-2.

² V. M. Zhivov and B.A. Uspenskii, 'Tsar' i Bog: Semioticheskie aspekty sakralizatsii monarkha v Rossii', in B.A. Uspenskii (ed.), *Iazyky kul'tury i problemy perevodimosti* (Moscow, 1987), pp. 47-154.

³ "...vovse ostavlen, po ukazu togo zhe velikago monarkha", [P. Alekseev], 'Rasskaz Petra Velikogo o patriarkhe Nikone. Vsepoddanneishee pis'mo protoereia Alekseeva k imp. Pavlu Petrovichu', *Russkii arkhiv*, 1863, nos. 8-9, pp. 698-9, quoted in Zhivov

and Uspenskii, p. 112. Ivan Golikov also cited this particular story in his *Anekdoty, kasaiushchiesia do gosudaria imperatora Petra Velikogo* (Moscow, 1807), pp. 55-8.

⁴ Zhivov and Uspenskii, p. 114.

⁵ A. Voskresenskii (comp.), *Zakonodatel'nye akty Petra I*, I (Moscow-Leningrad, 1945), 30-3.

⁶ *The Church Reform of Peter the Great* (London, 1971), pp. 118-19.

⁷ See entries in *Dvortsovye razriady*, IV (St Petersburg, 1855) for 5 April, 1691 (pp. 398-401), 20 March, 1692 (pp. 659-63), 9 April, 1693 (pp. 775-9): Peter attended only the last one. See Iu. Lotman and B. Uspenskii, 'Echoes of the Notion of "Moscow the Third Rome" in Peter the Great's Ideology', *The Semiotics of Russian Culture* (Ann Arbor, 1984), p. 60.

⁸ M.M. Bogoslovskii, *Petr I. Materialy dlia biografii*, IV (Moscow, 1948), 17-19, and letters in *Pis'ma i bumagi*, I (St Petersburg, 1887).

⁹ *Dvortsovye razriady*, IV, 1097, 1127.

* * * * *

A woodcut by G.D. Epifanov to the 1950 Moscow-Leningrad edition of *Bednaia Liza*

REVIEW

V.N. Toporov, "*Bednaia Liza*" Karamzina: *Opyt prochtenii*
(Moscow: Rossiiskii gos. humanitarnyi universitet, 1995). 512pp.

Bednaia Liza appeared for the first time in the June 1792 number of Karamzin's *Moskovskii zhurnal*. It occupied pages 238-77, thirty-eight pages in all (pages 238 and 277 were half-pages) in the journal's small format (cf. sixteen pages in the 1964 *Izbrannye sochineniia*). This first edition is reproduced in facsimile as pages 313-54 in Vladimir Toporov's mega-investigation into the tale, dividing some 300 pages of analysis and notes from the final 150 pages devoted to three appendices.

Toporov's study was planned and finished to celebrate the bicentenary of the tale's appearance, but "circumstances" delayed its publication for another three or so years, during which the author's text was significantly expanded and even some fifteen pages of extra notes were added at proof stage (*korrekturnye dopolneniia*, pp. 296-310). The bicentenary apart, the *raison d'être* for the study lies in Toporov's (far-from-unique) view of the little tale's importance within Karamzin's *oeuvre* as a whole and for Russian literature in general. "Precisely 'Bednaia Liza', more than anything else achieved by Karamzin in the area of artistic literature, became fused with the name of the author, became as it were his trademark: he created it and it made his name for ever, and thus in the common formula, 'the singer of 'Poor Liza'', nothing can replace the title of this tale". (p.6) In addition to the dissection of the tale from every conceivable angle, Toporov is no less concerned with the tale's reception and impact: "Following its publication in 1792, the tale was seen by what was for that period a wide circle of readers as an 'event', and not only literary but to some degree going beyond the bounds of literature, changing something important in the very perception of literature, in the psyche of the reader, and in his very life". (p.7) Toporov's study *en somme* belongs to the new Karamzinolatry School associated with the name of Iurii Lotman, whom he frequently and admiringly quotes. By this, I don't mean some sort of latter-day Shalikovism, but a perceptive, stimulating,

provocative and critical approach to Karamzin, based on a genuine appreciation of his overwhelmingly positive contribution to Russian literature, if touched with the sort of love that Zhukovskii attempted to express when he spoke of his "sviatoe imia". (See my essay, 'La Réception de l'oeuvre de Karamzine', in the at long last published second volume of the *Histoire de la littérature russe*, ed. E.Etkind *et alii*. (Paris, 1996), pp. 41-52.) It is, however, good, after all the years of reading Soviet critics urging the opposite, to see, for instance, Karamzin's "subjectivism" hailed, alongside his "historicism" as "fundamental gains [*zavoevaniia*] for Russian culture".(p. 26)

Toporov's 'Instead of a Foreword' (pp. 5-22) is followed by an 'Instead of an Introduction' with the main title 'Karamzin in the Context of Time' (pp. 23-44). The latter is a sort of breast-beating confessional on behalf of the rejection, scorn and belittlement to which Karamzin and his work were subjected for so long, taking Eikhenbaum (1916) as the way forward to a new and brighter world of understanding. Toporov also, interestingly and somewhat extravagantly, tries to rehabilitate Karamzin as a neglected analyst of love (pp. 37-9), differently, to be sure, from, and in ignorance of Helen Goscilo's revealing Gargano 'deshabillement' of him. The 'non-introduction' finishes with another aspect of 'context', that of preceding, contemporary and subsequent developments in Russian prose: Toporov finds a gulf between what preceded Karamzin and what he achieved, the latter arising essentially from the context he himself created of youthful literary efforts, translations, and the reading of foreign literature.

'General Characteristics of the Text of "Bednaia Liza". The "Diacritic" Level' (pp. 45-79) opens with considerations of *sorazmernost'*, the correspondence of what has to be said with the space it takes to tell it, in which the Pushkinian virtues of succinctness, simplicity and clarity are carried back to his worthy predecessor, imbibing the lessons of the best French prose. Statistics in the form of word and phrase counts and syntactical and paragraphic blocks pave the way for an often fascinating exposition of the typographical, orthographical and other tricks and traits and of the dactylic nature and rhythm of the work: "*Bednaia Liza* is essentially dactylic" (p. 69).

This section, or chapter, is the pointer to the concerns of the study proper, which are "to demonstrate concretely the 'new' that Karamzin introduced into Russian literature through his *Bednaia Liza*, the nature of this change of a truly tectonic scale, which was accomplished in such a small space of text, and the way it was achieved on a purely 'literary', exclusively professional plane".(p.78) In short, the book aims to reveal what "nowadays both readers and specialists so unconcernedly pass by", the sense and structures of the tale, through the analysis in the following four chapters of a) 'the narrator-author' (pp.80-9) b) the 'historical' plane and setting (pp.90-123) c) characters (pp. 124-63) and d) narrative structure (pp. 164-204). This is more or less the division or approach anyone would expect, but Toporov might be said, in words borrowed from the tale's overture, to find "novye priiatnye mesta ili v starykh novye krasoty". For the most part, his is a stimulating and insightful discussion and analysis, which extends and amplifies, teases and occasionally wheezes, its way through a much analysed text. Students of Karamzin, of Russian prose, of Russian literature, and of much else, should read it. At the end of the day, however, one is bound to ask: "stóit", or indeed, with regard to the tale, "stoít"? The tale, which the ageing Karamzin was inclined to dismiss as "a trifle" or "a simple youthful exercise", bears up remarkably well and is put back on the shelves of the Russian Pantheon, polished and shining bright.

There are features of Toporov's study which do not appeal or appease. Top of the list is his *novyi slog*. It feels strange after years of devotion to the Karamzinian cause to adopt what seems almost a Shishkovite position as regards barbarisms and foreign invasion -- and the fact that the Russian and French governments have of late taken similar positions vis-à-vis their respective languages makes it even more uncomfortable. Toporov has outdone Lotman in developing a critical vocabulary replete with Anglo-Americanisms that must leave the Russophone reader floundering in bewilderment. While a sentence such as "Для нарративной структуры персонаж, в нее включенный с ее единицами связанный и ее реализующий, есть способ индивидуализации и субъективизации отдельных ее элементов, дополнительное основание для поиска более углубленных и тонких мотивировок, возможность ухода их от

тривиальных и клишированных вариантов" (p. 170) (and many others of a similar nature) might well contain a priceless nugget of insight that would nevertheless receive wider acclaim if more simply expressed (and there are many more examples of Toporov's ability to do precisely that), it is hard to condone a string of words and expressions, of which the following are examples quite literally found by flicking through the pages: *stratifikatsiia*, *innovatsionnyi*, *nesbalansirovannost'*, *adaptirovat'sia*, *implitkatsiia*, *generatsiia*, *ekstrapolirovat'*, *institutsializirovannyi priem*.

Toporov's notes to his study (pp. 205-310) are a mine of information, providing further examples or argumentation for what was said in the text and are often mini-essays, reminiscent of M.P. Alekseev at his best. What is striking at the same time is the relative narrowness of Toporov's references to, or awareness of, other critical literature on Karamzin and his tale. There are virtually no mentions, critical or approving, of the articles and books of numerous Russian scholars, working during the Soviet period or since, with the notable exceptions of Lotman and Uspenskii. There are even fewer references to the work of western scholars, which in theory and in fact would have been more in line with Toporov's ideas and approach. There is, it is true, on the last page of his supplementary notes a mention of John Garrard's 'Poor Erast' (1975), but that is all: no other Americans, no English, French or Germans. Gitta Hammarberg's essential study of Karamzin's prose came out in 1991 after all, and there is earlier work worth a look. Accessibility is not, or no longer, really the problem; without searching, it is always easier to be 'original'.

Of course, reaching the end of the notes is not to reach the end of Toporov's book. Following the facsimile of the 1792 publication, Toporov provides a welcome and careful textological essay, firstly discussing the various editions and then collating the 1792 publication with that of 1820 in Karamzin's collected works (pp.355-92). He finishes by joining the chorus for the long-overdue "akademicheskii Karamzin". Two excursi on the Liza theme bring the book to a close. They both make fascinating and rewarding reading, particularly the first long essay (pp. 393-478) on the name and image of (not just *poor*) Liza before the story's appearance and subsequently in Russian literature. The final essay is devoted to 'A Few Words

about *poor Liza* in the 'Iron' Age' of twentieth-century Russian literature (pp. 479-510), via little-known works of Dobychin, Zoshchenko, Buidy, Egunov, and Daniil Andreev. Thus Toporov demonstrates the richness and potentiality of the little tale whose bicentenary he had set out to celebrate in the major key.

A.G.Cross (University of Cambridge)

* * * * *

EDITOR'S POSTBAG

NEXT MEETING OF STUDY GROUP

The next meeting of the Study Group will take place, as usual, at the High Leigh Centre, Hoddesdon, from 6-8 January 1997. We have a full programme which includes papers on geography in the reign of Peter the Great, Horace Walpole and Catherine II, the writer Aleksei Kropotov, Lomonsov and life on other planets, questions of authorship (M.N. Murav'ev), Church Slavonic and the influence of French, plus a communal poetry translation session. There will be a business session devoted, among other things, to the many international conferences on the horizon, including several to mark various Peter the Great tricentenaries. Anyone who would like to attend (full details are normally mailed only to UK members) or give a paper in future years, please contact Lindsey Hughes at SSEES, Senate House, Malet Street, London WC1E 7HE.

THE VI INTERNATIONAL CONFERENCE

Professor Klein writes that twelve of the thirteen panel slots for the **July 1999 conference in Leiden** have already been allocated: a final slot is reserved for history of art or gender studies. Panels are filling fast, but there are still gaps on several panels. Anyone interested in giving a paper should contact Professor Klein or the individual panel chairman (names and addresses in the previous *Newsletter*).

OTHER CONFERENCES

Peter the Great and the West: New Perspectives

A conference to mark the tricentenary of Peter the Great's visit to England, organised jointly by the National Maritime Museum and the School of Slavonic and East European Studies, University of London, will be held at the Queen's House,

Greenwich, from Thursday 9 to Saturday 11 July 1998. The conference will coincide with the National Maritime Museum's exhibition on Peter the Great and the British navy, opening earlier in 1998. Further details will automatically be sent to Study Group members. Other readers of this *Newsletter* who would like to be included in the mailing should contact Lindsey Hughes at SSEES.

Prosveshchennaia lichnost' v rossiiskoi istorii: Ivan Ivanovich Shuvalov

A conference to be held in St Petersburg in June 1997 to celebrate 270 years since the birth and 200 years since the death of I.I.Shuvalov (1727-97). Suggested themes include:

Shuvalov and the Academy of Sciences

Shuvalov and Moscow University

Shuvalov and Lomonosov

Shuvalov - patron of the arts and sciences

Shuvalov in Europe

Favouritism as a cultural-historical phenomenon

The Shuvalov family: history and modern times

Anyone interested in taking part should contact as soon as possible Tat'iana Vladimirovna Artem'eva or Mikhail Igor'evich Mikeshin at : Rossiia 194358 Sankt-Peterburg, V-358, A/ia 264; Tele: (812) 514 9380; Fax (812) 218 4667; e-mail art@hb.ras.spb.su

PUBLICATIONS

Out at last, but worth the wait!: Maria di Salvo and Lindsey Hughes (eds.), *A Window on Russia: Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia Gargnano, 1994* (Rome, La Fenice, 1996) Contributors should have received a copy plus offprints.

Strangely named, but a stimulating book by a Russian member of the Study Group with superb illustrations: Dimitri Shvidkovsky, *The Empress & the Architect: British*

Architecture and Gardens at the Court of Catherine the Great (New Haven and London, Yale, 1996), 273pp.

The catalogue of the exhibition which America is enjoying and Britain shamefully is unable to stage: Brian Allen and Larissa Dukelskaya (eds.), *British Art Treasures from Russian Imperial Collections in the Hermitage* (New Haven and London, Yale, 1996) - eleven introductory essays + the catalogue of the 160 exhibits + wonderful photographs. The exhibition is at Yale from 5 October 1996 to 5 January 1997; at the Toledo Museum of Art, from 13 February to 11 May; and at the Saint Louis Art Museum, from 27 June to 7 September 1997, before returning to the Hermitage, where it will be on display in the winter of 1997-8.

I was recently invited to Yale to give a lecture in connection with this exhibition and thus had the opportunity to see it. I recommend it to our fortunate American colleagues and quote the lines I felt obliged to say by way of introduction to my lecture: "Might I say at this juncture that I was privileged to see the exhibition this morning - and by privileged, I mean not only that it is a fascinating exhibition but also that I am privileged to be here to see it. It is a privilege shared by few of my compatriots; and in paying tribute to the Paul Mellon Center for organizing it and to Ford for funding it, I am ashamed that no British gallery was able also to show it and no British company willing to fund it. Most of the treasures you are seeing here have not been seen in the homeland of their creators since they first left our shores; and they will sail past our shores on their way back to the Hermitage".

At last, need I say more: Anthony Cross, *By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia* (Cambridge, CUP, 1997[1996!]), 474pp. By a happy (for me) coincidence a Russian translation of *By the Banks of the Thames* has just appeared from Akademicheskii proekt publishers of St Petersburg. The introduction is by Evgenii Anisimov and the excellent translation is by his wife Nina Luzhetskaia.

CONFERENCES IN THE AUTUMN OF 1996.

200 years since the death of the Great Catherine and 300 years since the founding of the Russian navy have both passed and have been marked by conferences in several countries. There have been conferences, large and small, in St Petersburg, Potsdam, Edinburgh and Paris - and they are only the ones I have been to! Other members of the Study Group gave papers at these conferences and also in Zerbst. Proceedings of some of these conferences will be published in due course, others not.

TO COME

As you will have noted, we have no need to rob Peter and pay Paul: both will be on the receiving end of various conferences and panels in the near future. Also looming up, apart of course from the bicentenary of Pushkin's birth in 1999 and all its eighteenth-century under- and overtones, there are Apocalypse 2000 and Petersburg 1703-2003!! Keep your powder dry and your pens active.

PLEA

Last year I listed some of the recently published Russian books on eighteenth-century Russian topics which I would like to see reviewed in the Newsletter. Sadly, I received no reviews for this issue. I hope some will be forthcoming for the 1997 number. In view of the technical problems we encountered this year we would be grateful if you could submit your reviews (and of course your synopses and notes) not only in printed form but also on diskette (Apple Macintosh or compatible, using CyrillicSoviet font).